

ГЕННАДИЙ ЛЮ

ЗОЛОТОЕ ПЕРО
КОРЕИ

환한 그 얼굴이 보고 싶다.
성난 그 얼굴도 보고 싶다.

아직까지 한 번도 보지 못한 당신의 그 얼굴이 보고 싶다.
어둠이 싫어
괴롭고 쓰라린 목마름의 세월이 싫어

한사코
달굴에 달출을 시도했던 달석
빛과 어둠 속을 넘나들던 그 얼굴이 보고 싶다.
그 목소리도 한 번 들어보고 싶다.

항수를 달래며
모든 걸
고향에 묻어둔 채
자유를 위해
얼굴이 보고 싶다
의욕을 잃지 않았던 시대
국장으로
의욕적인 사업으로
소신가로 활동했던

ГЕННАДИЙ ЛЮ

ЗОЛОТОЕ ПЕРО КОРЕИ

Издательский дом «Ijod dunyosi»
Ташкент — 2004

83.3(5)
Л96

Лю Геннадий

Золотое перо Кореи/Геннадий Лю.—
Т.: Ижод дунёси, 2004. — 104 с.

Родственники поэта Чо Мёнги Хи выражают признательность профессору Сеульского университета, председателю общества по культурному обмену между Республикой Корея и Республикой Узбекистан Хан Мёнги Хи и Чрезвычайному и Полномочному послу Республики Корея в Узбекистане Ким Сон Хвану за моральную и материальную поддержку в издании книги.

ББК 83.3(5)

Л 4702620204 – 77
2004

ISBN 5 – 8244 – 2058 – 0

© Геннадий Лю, 2004.

© Издательский дом «Ijod dunyosi», 2004.

ВВЕДЕНИЕ

Среди множества деятелей литературы и искусства, репрессированных сталинским режимом, наиболее трагично выглядят фигуры иммигрантов, которые, поверив социалистической пропаганде, надеялись найти в бывшем Союзе «свободных и равноправных» землю обетованную. Так случилось и с прекрасным корейским поэтом Чо Мёнг Хи. По существу, он попал из огня да в полымя. На родине его преследовала японская охранка, а здесь — НКВД...

Мне довелось поработать над переводами нескольких его стихотворений. В них ощущалась огромная энергия слова, яркий, самобытный талант. И это — главное — автору книги о нем Геннадию Лю удалось убедительно подтвердить своим скрупулезным, высокопрофессиональным анализом. Достоверно переданы и атмосфера времени, ситуация и среда, окружение поэта. Безусловно, заслуживают самых теплых слов друзья и родственники, сделавшие очень многое для реабилитации и увековечения памяти Чо Мёнг Хи — и таких слов в книге немало. Да и в целом эту небольшую по объёму книгу можно расценить как изяшно выполненный памятник поэту и мученику, замечательный подарок к его 110-летию.

*Александр ФАЙНБЕРГ,
заслуженный работник культуры Узбекистана.*

ЗОЛОТОЕ ПЕРО КОРЕИ

(к 110-летию со дня рождения Чо Мёнг Хи)

РАССТРЕЛЯННАЯ ПЕСНЯ

До сих пор точно не установлено, где покоится прах великого корейского поэта- просветителя. Все усилия родственников и близких найти его могилу оказались безрезультатными. Даже при современных возможностях технологии сделать опознания практически нельзя. К такому заключению пришли и эксперты, которые при попытке произвести эксгумацию на городском кладбище Хабаровска, где предположительно захоронен в одной из братских могил Чо Мёнг Хи, в ужасе отшатнулись — сверху обнаружили более поздние захоронения...

И все же не напрасно трепетная душа поэта долгие годы маялась в ожидании раскрытия страшной тайны. Настал день, и появился проблеск надежды. В 1956 году жена поэта получила долгожданную весточку. Вскоре ее пригласили в Кремль, на прием к самому председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову. Но там ее ожидало ужасное известие: Чо Мёнг Хи, находясь в заключении, заболел и умер в 1942 году... Это был страшный удар для всех, кто еще верил в лучший исход — ведь все это время, прошедшее после ареста в 1937 году, они верили, что он еще жив, и что он вернется, как и обещал... О том, что эта информация была ложной, Хван Мёнг Хи так и не узнала до конца своей жизни. Хотя чувствовала любящим сердцем: что-то здесь не так, не мог он умереть от какой-то там флегмоны, как ей сообщили официально. Пытаясь утешить, ей предложили на выбор любое место жительства, возвели, как жене репрессированного, в статус пенсионеров всесоюзного значения.

И только гораздо позже, и только благодаря настойчивости дочери поэта Чо Сон А, удалось узнать горькую правду: Чо Мёнг Хи был расстрелян через несколько месяцев после того, как в дом к ним 17 сентября 1937 года ворвались сотрудники НКВД и увели на допрос... Удалось выяснить, крупница за крупницей, как же это произошло.

Вспоминая о своих мытарствах по коридорам советской власти, как о полосе беспросветных унижений и страданий, Чо Сон А (по-русски ее называли Валентина Мёнгишевна) не скрывает слез: «Я добилась-таки, чтобы мне было позволено пройти последний путь отца от дома до мрачных застенков тюрьмы и расстрельной стенки, которая вся изрешечена пулями, и забрать какие только можно было связанные со всем этим документы. Вырвала из «личного дела» фотокарточку отца...»

В годы массовых сталинских репрессий, когда руководствовались принципом «нет человека — нет проблем», особых документов и не требовалось, чтобы расстрелять любого попавшего под подозрение. Достаточно было доноса какого-нибудь подонка, протокола допроса и решения «тройки». Никакого суда и следствия, никакого адвоката, «признания», которое могли вырвать пытками и побоями, тоже было чистой формальностью. А поскольку родственники арестованного автоматически причислялись к семье «врага народа», то с ними тоже не церемонились, даже соседи, порой и друзья отворачивались при встрече. Хотя каждый знал — не завтра, так послезавтра с ним тоже может случиться такое. В этой обстановке всеобщей подозрительности и страха выросло целое поколение советских людей, строивших самое гуманное, самое справедливое общество на свете и мечтавших о мировой революции. И ведь многие свято верили, что окруженные со всех сторон врагами и их пособниками, они должны помогать власти выискивать шпионов и заговорщиков.

«Теоретической» подпоркой тоталитарных репрессий служил широко распространенный тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере успехов социалистического строительства. В марте 1937 года он выступил с докладом на пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников», заявив: «Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным. Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу даст возможность оправиться для борьбы с советской властью... Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую

Чо Мёнг Хи. 1935-1936 г.г. Хабаровский период жизни (фотография из личного дела КГБ)

М. С. Горбачёв и Р. М. Горбачёв перед отъездом в Японию у камня-памятника «безвинно-убиенным».

Дом писателей Дальневосточного края (ДВК). Хабаровск, улица Комсомольская. В этом доме жил Чо Мёнг Хи с семьёй вплоть до ареста. В те годы председателем союза писателей ДВК был А. Фадеев.

Чо Мён Хи перед расстрелом (фотография из личного дела КГБ).

В этом здании по ночам расстреливали заключённых, затем вывозили на грузовых машинах, хоронили в общих могилах и закапывали бульдозерами.

поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР... Необходимо помнить все это и быть начеку».

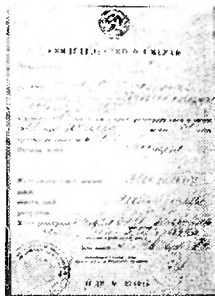
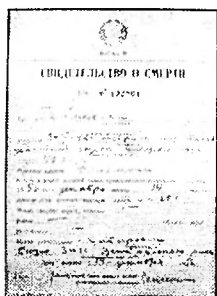
Вот она, та идеологическая дубинка, которая вскоре обрушилась со всей беспощадной мощью на головы неугодных. Так был дан толчок к развертыванию массовых репрессий, и вот почему 1937-й год стал поистине «черным» для страны и ее народа. А ведь ровно за три месяца до упомянутого пленума была принята «сталинская» Конституция, в которой утверждалось, что социалистическое общество уже построено, а эксплуататорские классы ликвидированы. Тогда с кем вести классовую борьбу, причем «все обостряющуюся»? Борьба шла с инкомыслием, которое действительно набирало размах, поскольку многие, в том числе представители победившего класса, начали прозревать, увидев воочию прелести реального социализма. «Революционное насилие», как диктатура пролетариата, теперь перекинулось, по существу, на все социальные слои общества, людей любых профессий, возрастов, национальностей и вероисповедания. Вот для чего лихорадочно укреплялся репрессивный аппарат, строились и заполнялись исправительно-трудовые лагеря. Подсчитано, что только из крестьянской среды в разряд «ликвидированных как класс» попало более 20 миллионов так называемых кулаков и подкулачников. Прибавим сюда ликвидированных партийцев, военных, ученых, деятелей культуры. Прибавим сюда целые народы, насильно переселенные с Крыма и Кавказа, немцев Поволжья, калмыков, корейцев Приморья...

По-видимому, уже тогда, коль скоро существовала такая масса врагов и политических противников нового строя, следовало признать: социализм в отдельно взятой стране, с ее, добавим, «национальными окраинами», не получился. Либо ослабить вожжи и пойти дорогой НЭПа, т. е. обеспечить свободу частного предпринимательства и свободу, если не слова, то хотя бы мысли. К этому в итоге мы придем, но какой ценой! И сколько исторически ценного времени, средств и ресурсов потрачено напрасно! Сколько загублено человеческих жизней и искалечено человеческих душ... Но, опьяненный неограниченной властью, мучимый хроническим страхом, вождь продолжал свое черное дело, дискредитируя в глазах всего мира самую идею социализма.

Между тем в самой стране и за ее пределами усиленно насаждался сталинизм, а в Корее он еще наложился на традиции конфуцианства, которое изначально подразумевало безусловное послу-

Профсоюзный билет
Чо Мён Хи.

Две справки о смерти Чо Мён Хи из КГБ: одна фиктивная, другая подлинная, где указано, что поэт расстрелян 11 мая 1938 года.

знание каждого, в том числе писателя, законной власти. В результате в чуждейских переводах частенько можно встретить такие верно-подданнические перлы, как «Руки вождя достигают и до груди корейских женщин», «Великий вождь — отец всех детей Кореи» и проч.

Чо Мён Хи обвинили в предательстве интересов советского народа и шпионаже в пользу Японии. Это было настолько нелепо, что на первом допросе он был совершенно спокоен, убежденный, что легко сможет рассеять возникшее недоразумение. Достаточно сказать этим провинциальным ребятам в серых костюмах, что ненависть к японским оккупантам он, можно сказать, воссал с молоком матери — ему было всего два месяца от роду, когда японские войска, воспользовавшись удобным предложением — якобы для помощи в подавлении крестьянского восстания — вторглись в Корею и потребовали от корейского короля проведения «реформ», означавших установление японского контроля. С детства видел и хорошо запомнил, а позже отразил в своих произведениях все тяготы жизни своего народа под вражеским сапогом: в 1905 году Япония установила протекторат над Кореей, а еще через 5 лет аннексировала ее. И эмигрировал в Советский Союз в 1928 году, потому что подвергался гонениям и арестам. Был решительно настроен продолжать борьбу, однако друзья и коллеги посоветовали срочно покинуть родину. Но находясь здесь, всеми помыслами был с ними и мечтал только об одном — о скорейшем освобождении родной земли от японского ига.

Хабаровское городское кладбище. Камень-памятник «бесвишно-убийным», установленный общественностью города. Там в 1992 году дети поэта установили мемориальную плиту с портретом отца.

На втором допросе Чо Мён Хи вдруг с ужасом осознал, что его слова и доводы, такие ясные и убедительные, не доходит до мрачно насупившихся слушателей. Готовое решение отчетливо прочитывалось в их глазах: «Значит, отрицаете свою вину? Что ж, так и запишем. Тем хуже для вас».

Но история рассудила иначе. Сегодня жертвы политических процессов 30-х — начала 50-х годов реабилитированы в судебном порядке, память о них возвращена нынешнему и будущим поколениям. Эта работа особенно активизировалась после принятого 30 июня 1956 года постановления ЦК партии «О преодолении культа личности и его последствий». В 1954-1961 годах было реабилитировано более 700 тысяч человек. Правда, затем, в годы, которые сейчас называют «периодом застоя», работа по реабилитации была постепенно свернута и возобновилась лишь в конце 80-х годов. Общее число тех, кому было возвращено доброе имя, составило более двух миллионов. Среди них — и имя Чо Мён Хи.

ВОЛЬНЫЙ СТИХ ПОЭТА

Сорок четыре года, прожитые Чо Мёнги Хи (1894–1938), приходятся на эпоху, богатую историческими событиями. Заканчивался XIX век с его феодально- патриархальными устоями. В одной части света бурно развивался капитализм, а в другой — его альтернатива. А на родине тем временем хозяйничали японские оккупанты, которые свергли с престола последнего из монархов династии Ли, правившей королевством Чосон на протяжении пятисот лет. Все эти чрезвычайно сложные и противоречивые события не могли не отразиться в творчестве художника с чутким и отзывчивым сердцем.

Реакция была неоднозначной и зависела от степени образованности, зрелости и условий написания того или иного произведения. В ранней юности он, подобно великому английскому поэту и драматургу Вильяму Шекспиру, приобщается к народным балаганам, уличным представлениям. Пишет комические сценки и одноактные пьески, сам участвует в их постановке и даже исполняет в них роли. Кегати, для актера у него были все данные — высокий рост, благородная осанка и внешность, способность к перевоплощению. Последнее в том стиле, в котором давались представления, было важным — играя, например, схватку крестьянина с тигром, актер должен был изобразить это так, чтобы зрители охватили ужас при виде прыжков страшного хищника, и радость — при каждом удачном выпаде бесстрашного юноши.

Позже, подобно своему японскому сверстнику Рюноске Акутагава, который теперь считается одним из родоначальников национальной реалистической литературы, Чо Мёнги Хи погружается в мир западного декаданса. Вообще характерно, что под воздействием западных веяний в тот период находились многие корейские, китайские, японские литераторы: «Молодые китайские поэты привнесли в свою страну не французский символизм в его первоначальном виде, а свое понимание французского символизма, некоторые из них вообразили себя самыми французскими символистами». (Л. Черкасский. Новая китайская поэзия (20–30-е годы). М. 1972, с. 310). И, это, конечно, не случайно. Было в этом уходе от суровой действительности нечто ментально близкое к старинной восточной поэтике, где на первом плане красоты природы, стремле-

ние к полному с ней слиянию, раздумья о бренности и кратковременности всего сущего. Достаточно вспомнить корейскую пейзажную лирику — так называемую поэзию рек и озер 16-17 веков, проникнутую даосскими мотивами, с ее уходом от мира сего, погружением в оплеченные философские размышления.

«Кто певец, как не кукушка? Что такое зелень, как не ивовая роща? В рыбацкой деревне несколько домов прячутся в тени деревьев. Белый аист, потерявший свою подругу, бродит под последними лучами солнца».

Чем не французский стих Шарля Бодлера, только написанный в традиционной корейской манере — без рифмы, под речитатив?!

Затем наступает этап романтической героики. Сильная личность, побеждающая «одним ударом семерых» — вот кто достоин подражания. Доходит до того, что Мёнг Хи решает бросить учительскую семинарию в Сеуле и поступить в пекинскую офицерскую школу. Этот юношеский порыв с трудом пресекают мать и старший брат Кон Хи. Последнему, кстати, принадлежит особая роль в становлении Мёнг Хи как человека и как литератора. Семья рано осталась без главы и основного кормильца, и, как положено в таких случаях, его обязанности были возложены на старшего сына. В наследство от отца, обедневшего дворянина и философа, остался лишь клочок собственной земли в деревне Пёгамни уезда Чингхон провинции Северная Чхунчхондо на юге корейского полуострова да благое напутствие учиться и верой и правдой служить Отчизне. Приметив в младшем тягу к литературе и языкам, Кон Хи, всячески поощряя это, старался оградить его от множества домашних и полевых работ. Будучи солидным чиновником в своей провинции, он и сам был неравнодушен к искусству, пробовал писать стихи. Так, благодаря его заботам, Мёнг Хи рано выучился читать и писать, причем сразу на корейском и китайском языках, еще со школьной скамьи приобщился к прекрасному миру поэзии.

Неизгладимое впечатление произвело знакомство с творчеством известного корейского поэта-скитальца Ким Сак Ката, которого он однажды к удивлению сверстников процитировал в деревенской школе. Удивлен и встревожен был даже учитель — ведь эти стихи не входили в программу начальных классов, к тому же некоторые из них были под запретом. За дерзкую выходку досталось и дома от старшего брата, правда, не очень, так как он сам дал Мёнг Хи почитать Кима, и в глубине души был горд: толковый растет бра-

тишка — тянется к знаниям и стремится поделиться ими с друзьями. Старших уважает, но не оглядывается на авторитеты, если что-то надумал сделать из ряда вон выходящее. Но ведь и сам Кон Хи был из того же «теста» — однажды, и он, в знак протеста против творимых японскими захватчиками бесчинств, все бросил и стал вести отшельническую жизнь на горе Чирисан в провинции Чолла. Даже родные долгое время не знали, куда он вдруг исчез...

Чо Мён Хи рано взялся за перо, но первыми своими опытами был недоволен — не тот кругозор, не та эрудиция. Это чувство неудовлетворенности еще сильнее окрепло, когда познакомился с лучшими мировыми образцами, досконально изучил историю родной литературы. Сравнивая свои да и любимого Ким Сак Ката, и других соотечественников стихи с иностранными шедеврами, часть из которых читал не в слабеньком переводе, а в подлиннике, он понял, что необходимо менять форму стихосложения, снять многочисленные ограничения. И вообще, откуда они, зачем?

Обратившись к истокам, Чо Мён Хи сумел найти ответы на эти вопросы. Дело в том, что искусство в древней Корее было привилегией высшей знати, а стихи исполнялись во время проведения торжественных церемоний в королевском дворце. Так, возникшая напевно-речитативная форма *сиджо* в конце 13 века после изобретения фонетического алфавита *хангыль* была строго регламентированной. При этом существовало несколько разновидностей этих, как тогда их называли, «песен времен года». Основная — *пхен-сиджо* — трехстишие, размер которого варьируется в пределах 43-45 строк. Каждая строка состоит из 14-16 слогов и разделена посередине цезурой (поэтому в переводе на русский язык получаются шестистишия). Рифма, как и во втором по популярности жанре *каса* - отсутствует. Для *каса* характерна строка из двух полустиший и двумя четырехсложными (реже трехсложными) стопами в каждой. В отличие от *сиджо* в *каса* отсутствовало строфическое деление. Размер и музыкально-речевую основу по-видимому приспособляли к продолжительности той или иной дворцовой церемонии. *Каса* не пели как *сиджо* в сопровождении музыкальных инструментов, а декламировали нараспев. Позже пришла такая форма, как *чапка* — ритмически организованная проза.

Только объемом от *чапки* отличались произведения прозаиков и драматургов. Вот в основном откуда множество романов, рассказов и пьес, практически лишенных действия и интриги. Они моно-

литны, неподвижны и затянuty. С давних времен началось и катилось по проторенной дорожке детальное жизнеописание добродетельных государей и господ, смачное перечисление блюд на их столах, обильно одобренное пышными сравнениями и комплиментами, что многим читателям было и непонятно, и скучно. Ну как выйти в мировую литературу с такими, например, оборотами: «Глаза у него были широки, как у Ким Пха, а уши величественны, как у Ли Со Хва...»

С БОЛЬЮ ЗА РАСТОПТАННУЮ РОДИНУ

Как чудесно звучит стихотворение Чо Мёнг Хи, переведенное поэтом Александром Файнбергом:

*Кого я ищу
В ночь западных ветров, когда не жгут костров,
И птицы в гнездах спят, своих небес не помня,
Куда ж мой путь лежит, путь без дорог и троп?
Кого же я ищу, блуждая в темном поле?*

*С волнением ищу я свет единственной любви.
Сбивая ноги, я спешу тебе навстречу.
Обрывист был мой путь, но грезились в дали
Твои, моя любовь, божественные свечи.*

*Но вот я и пришел. И стынет кровь в груди.
Пришел проститься я с любовьюю.
Ягнёнком, что искал травиночку в пути,
Рыдаю я, припав к разбитому надгробью.*

*В ночь западных ветров, когда не жгут костров,
И только плач цикад моей созвучен боли,
Куда ж ты вновь, мой путь, зачем теперь мне кров?
Кого ж я вновь ищу, блуждая в темном поле?*

Чтобы подняться до таких высот в поэзии, предстояло очень многому научиться, очень многое переосмыслить и реформировать. Чо Мёнг Хи довольно поздно, из-за нехватки средств — в двадцать пять лет поступил в токийский университет, но сумел быстро на-

верстать упущенное время, усиленно изучая историю, культуру, философию как восточную, так и западноевропейскую. С особой любовью и уважением относился к русской литературе. Но не ради поверхностного подражания, а для того, чтобы «пропустив через себя», идти собственным путем в творчестве.

Здесь следует отметить, что к моменту, когда Чо Мёнг Хи начал писать, его старшие коллеги, изучая зарубежные формы и стили, приступили к поиску новых метрических и звуковых средств наилучшего раскрытия содержания на основе свободного стиха *чан-сиджо*, применения рифмы. Как подчеркивал в своей глубокой и скрупулезно выполненной монографии видный ученый Вилорий Николаевич Ли, много лет проработавший на кафедре корейского языка в Ташкентском пединституте, Чо Мёнг Хи сумел развить это направление благодаря удачному сочетанию традиций классического корейского стихосложения с принципами свободного стиха, не ограниченного числом слогов и строк и не столь строгого в отношении строфического сложения. Отличительным в его творчестве становится такой прием, как использование лексического и синтаксического повторов, что придавало стихам особую яркость и экспрессивность.

В приведенном выше стихотворении «Кого я ищу» эти элементы присутствуют и очень точно воссоздают скорбь лирического героя, потерявшего навсегда свою возлюбленную: начало первой и последней строф полностью повторяются, чтобы дать усиление последующим строкам, третьи строки первой и последней строф («куда ж лежит мой путь?») повторяются частично, а их продолжение получает за счет этого дополнительную экспрессию. Заметим, однако, что в данном стихотворении еще проглядывается определенный налет символизма, как проглядывается и новаторский почерк Поэта с большой буквы. А нотки пессимизма и мистики – это был своеобразный протест против извечной неустрашенности мира, который позже оборачивается против конкретных проявлений угнетения и насилия в современной ему действительности.

В работе, посвященной становлению корейской национальной литературы, писатель и публицист Ян Вон Сик отмечает, что литература колониального периода создавалась писателями разных общественных классов и слоев, разных мировоззренческих позиций и политической ориентации. Противостояли друг другу представители буржуазной и пролетарской литературы. Некоторые занимали

промежуточную позицию, не примыкая ни к тем, ни к другим. Писатели буржуазного лагеря называли создаваемую ими литературу национальной (*кукмин мунхак*) или националистической (*минчжокжжуй мунхак*) в противовес пролетарской. Впрочем, особого противовеса не было, и это объяснимо, если учесть, что представители буржуазного лагеря не были однозначно выразителями интересов национальной буржуазии как класса, часть из них несла в своем творчестве прогрессивное начало — протест против колониального ига. Ведь по происхождению они были преимущественно аристократами, а по социальному положению — мелкими буржуа. Поэтому одни начинали свое творчество в стане пролетарской литературы, другие становились пролетарскими писателями, порвав с различными буржуазными литературными группами или объединениями. Многие пролетарские писатели аристократического (*янбанского*) происхождения были неимущими пролетариями, скорее даже неимущими крестьянами по своему социальному положению. Из-за всех этих противоречий и хронической склонности к размежеванию, творческий метод новой корейской литературы столь разнороден: от натурализма и модернизма до социалистического реализма. Характерно и то, что к западному влиянию на литературу Кореи в 20-30-е годы добавилось влияние советской литературы.

Величие Чо Мёнг Хи состоит еще в том, что он сделал важный выбор на том переломе корейской истории, когда в ней обозначились столь сложные противоречия, повел за собой, создал целую школу своих учеников и последователей. В частности, свободный стих в его интерпретации впоследствии утвердился как основная стихотворная форма в корейской поэзии.

Влившись в ряды пролетарской литературы, Чо Мёнг Хи с его обостренным чувством нового вскоре становится одним из ее ярчайших лидеров. Она начала свое существование с создания в 1922 году небольшого кружка под названием «Общество Искра» (*«Емеунса»*), что было связано с общим подъемом рабочего и социалистического движения в мире. Кружок объединял революционно настроенных писателей, которые не отделяли литературное дело от освободительной борьбы и общепролетарского единства. В конце 1923 года возникло новое литературное объединение пролетарского направления *«Паскюла»* (название составлено из инициалов руководителей в латинской транскрипции), которое сформулировало свою платформу в следующих лозунгах: «Искусство во имя жизни», «Волевым искусством, борю-

щесся с действительностью». Сюда и вступили Чо Мёнги Хи, Цой Сохэ, Ли Ги Ен и другие, каждый из которых пришел в литературу своим путем, не входя ни в какую литературную группу. Именно они потом составили главные силы, ядро корейской пролетарской литературы того периода. Объединив «Емгунса» с «Паскюлой», они возглавили «Новое направление» («Сингенхянхва») и поставили своей задачей бороться с нищетой и бесправием народа. Как отмечает Ян Вон Сик, тем самым был обозначен первый этап корейской пролетарской литературы. А ее второй этап ознаменован основанием в 1925 году «Корейской федерации пролетарского искусства» — КАПФ (на эсперанто KAPF — Korea Artista Proletaria Federatio). Ряды Федерации постоянно пополнялись, и к 1935 году, когда японскими властями она была упразднена, насчитывали до двухсот писателей.

Первый свой сборник стихов «На весеннем лугу», изданный в Сеуле в 1924 году, Чо Мёнги Хи назвал историей души — разностилевые, с наглядно выраженными творческими исканиями, они тем не менее объединены общей идеей необходимости спасения «больного» мира, в котором все может быть разрушено вне добра, любви и гармонии красоты. Заметное место здесь занимает тема любви к матери, к матери-Родине:

*В сердце матери я буду всегда гнездиться
Словно птица, выпорхнувшая из ее груди.*

Чо Мёнги Хи считал своим поэтическим долгом укрепить в соотечественниках патриотические чувства, призвать их к борьбе за освобождение униженной, оскорбленной, растоптанной Кореи.

Анализируя этот сборник, В. Н. Ли объясняет разностильность молодого поэта характером социальной и идейной жизни эпохи, которую уже невозможно было отразить устаревшими литературными приемами. Его творчество, органично связанное с эволюцией корейской поэзии XX века (Ким Со Воль, Ли Ван Хва, Ким Ик, Пак Пхар Ян), предстает перед нами прежде всего как качественно новый этап развития национальной литературы с ее все расширяющимися границами и задачами.

Центральное место в поэтическом наследии Чо Мёнги Хи занимают поэмы «Растоптанная Корея» и «Над ковыльным полем». Это — трагические песни гнева и печали, мужества и надежды. Они написаны уже за пределами родины и пронизаны болью разлуки с ней.

Поэт должен быть голосом, совестью, памятью народа, - твердо был убежден Чо Мёнги Хи, и эта гражданская позиция находит наиболее яркое свое воплощение в поэме «Растоптанная Корей» (1931 г.). Здесь скорбь поэта просветлена глубоким чувством любви к родине и ответственности за ее судьбу. Поэма представляет собой новаторское явление не только в смысле идейно-эстетического содержания, но и в смысле жанровой природы. Многозначная ее структура отличается синтезом разных планов, поиском новых выразительных средств, сильна разработкой образных форм лирико-философского монолога. Красной нитью проходит мысль: пусть по стране расплодятся полчища тюремщиков-палачей, им все равно не удастся парализовать волю корейцев к сопротивлению, которые не смиряются с рабством и насилием. Поэма прозвучала страстным призывом к патриотам Кореи вернуть угнетенной родине честь и свободу. Ее жизнеутверждающее начало заключено в следующих замечательных словах:

*Корея уж столько лет живет в тюрьме
Униженная и растоптанная.
Но лишь рожденная в борьбе и муках
Корея та, что будет жить в веках.*

Будет жить в веках! За одни только эти пламенные строки имя Чо Мёнги Хи навсегда останется в истории Кореи!

Моей родине не грозят ни гибель, ни позор, - утверждал поэт, - ибо в ней неугасим дух патриотизма, дух сопротивления. Об этом свидетельствует и ход истории. Еще в средние века Корея подвергалась набегам со стороны японских морских пиратов. И это были не кучки разбойников, а воинские отряды, которые насчитывали до 2-3 тысяч человек и иногда углублялись на территорию Кореи на 25-30 километров, но всегда получали достойный отпор. Особенно прославился в борьбе с ними военачальник Ли Сонге, основатель династии Ли, который предпринимал даже карательные экспедиции на пиратские стойбища. Но это было в 15 веке. А в 16-м, точнее в 1592 году, японцы попытались вторгнуться целой армией. И поначалу стремительно продвигались вперед, захватили основные города Кореи - Сеул и Пхеньян. Но их остановили партизанские отряды *Блибен*. Они измотали врага, а вскоре, по-новому организованный флот, корабли которого использовались уже не как транспортные средства, доставлявшие солдат до абордажа, а как босвые артиллерийс-

кие единицы, под командованием адмирала Ли Сун Сина наголову разбил врага. Правда, непотопляемый «корабль-черепаха», по сути первый в мире броненосец, на котором находился адмирал, все же не спас его от японской пули... Эта война, вошедшая в историю под названием Имджинской, вдохновила корейцев, надолго отбила у японцев охоту к завоевательным походам.

Патриоты возносят свои души на алтарь Отчества, — вспоминая все это и современное движение *Ыйбен*, пишет Чо Мён Хи, — лишь бы она была свободна от иноземных захватчиков:

*Потерян счет всем смертям,
Шедшим за нами по пятам.
Но память людская по убитым
Живая взбирается по каменным плитам.*

В заключительной части поэмы все более нарастает оптимистический тон:

*Взгляни на Восток!
Там красная заря встает
Сердца миллионов зажигает
Жаждой свободы, что к счастью ведет.
Долгая ночь отступает.
Но из-за тучи зари не видно.
Над Кореей растоптанной еще бич свистит
К тебе, Корея, на подмогу идут
Братья и сестры со всего мира.
Придет время, и ты сбросишь, Корея,
С плеч своих ярмо ненавистного ига.*

Захватывающий дух поэтического предвидения вдохновляет и очаровывает нас, когда мы читаем строки, посвященные потомкам:

*Заря на Востоке...
Черная туча неволи
Над Кореей еще висит.
Но я твердо знаю,
Что в моей стране наступит
Рассвет свободы нового дня —
Это будет праздник великий.*

Трагически окрашенная речь поэта укутана в романтические тона в стиле индийского поэта- неоромантика Рабиндраната Тагора, творчеством которого Чо Мёнги Хи так восхищался. Он как бы снимает со слова его повседневную одежду, наряжая в строгий парадный мундир. Это стремление к наибольшей выразительности при раскрытии священной темы родины сопровождается использованием особых форм усиления экспрессивности звука, ритма, интонации. А повторение опорных слов и строк, как мы отмечали выше, отлично передает характер корейской разговорной речи, создает неповторимый «чоменгхивский» музыкальный и ритмический строй стиха.

До и после этой поэмы были у Чо Мёнги Хи, как и у всякого художника, взлеты и спады, немало в советский период написано проходных «агиток» в духе Маяковского, которого в свое время он и изучал, и переводил: «Большевицкая весна», «Песнь Октября» (1931 г.), «Клятва» (1934 г.), «Комсомольск» (1935 г.) и др., но «Растоптанная Корья» останется сияющей вершиной.

Как подчеркивал В. Н. Ли, эта поэма обогатила корейскую литературу принципиально новым для нее жанром реалистической прики-философской поэмы. Позже его развивали в своих произведениях такие талантливые мастера, как Чо Ги Чхон, Ким Чхан Суль, Се Ман Ир, Хан Юн Хо, Угай Де Гук, Мон До Нук и др. Поэтическая манера Чо Мёнги Хи, как творческий синтез лучших традиций корейской и мировой поэзии, оказалась весьма плодотворной и созвучной духу нового времени.

· КРЕПЧЕ КАМЕННОЙ ГЛЫБЫ

Неоценим вклад Чо Мёнги Хи в развитие национальной прозы, драматургии, литературной критики.

Свой первый рассказ «К змисл» Чо Мёнги Хи написал в 1923 году, в тот период становления корейской литературы, когда она вышла из-за глухого забора изоляционизма на широкий перекресток западных и восточных литературных дорог. Отсюда и новая художественная проблематика, своеобразно преломляющаяся в творчестве его современников. В романах, повестях и рассказах Ли Гвон Су, Ли Ги Ена, Чхве Со Хэ и некоторых других писателей остро ставятся вопросы трагической разобщенности людей, а, значит, несовершенства общества, в котором они живут. Это - корейский

вариант воплощения позиций Гоголя и Толстого, Достоевского и Горького, влияние которых было весьма ощутимым. Отразилось оно и на произведениях Чо Мёнг Хи, особенно в части реалистического изображения человека, духовно и нравственно воскресающего в борьбе против социального зла. И в этом смысле он полемичен по отношению к уже найденным в корейской литературе ответам по поводу значимости отдельной личности, вставшей на путь самопознания и самосовершенствования.

Рассказ не блещет ответами, вопросов тут гораздо больше. И самый главный из них — насколько все-таки взаимосвязано нравственное очищение человека с преобразованием всего общества. Своеобразие рассказа еще и в том, что написан он в лирико-философской тональности, с неожиданными сравнениями и метафорами, что сразу выдает в авторе поэта. Кстати, и во всей последующей прозе Чо Мёнг Хи это отчетливо проявляется — потому столь неподражаем и легко узнаваем его творческий почерк.

Тема «маленького», «лишнего» человека обкатана через искусство многих стран мира. В Корее же она нашла благодатную почву по целому ряду причин, главная из которых — жизнь людей под двойным игмом — японских оккупантов и собственных эксплуататоров. Отсюда — забитость и беспросветная нищета. Немаловажную роль играли и литературные традиции — долгое время корейская литература исходила из того, что ее прямая обязанность — изображать страдания, несчастья и катастрофы, болезни и увечья, и т. д. Ведь светлого в этой жизни мало и оно скоротечно, что тут о нем говорить. Понятно: сострадание к слабым и убогим можно поставить в заслугу авторов. Но этого мало, — постепенно пришел к убеждению Чо Мёнг Хи, — надо показать, как эти маленькие люди хранят в душе свой огонек достоинства, обретают способность протестовать. Значит, следует ослабить нажим тех философско-религиозных догматов, творцы которых были полны искренней жалости к ближним, но считали опасным и ненужным для них даже попытку что-то изменить в этой жизни и сделать ее достойной цивилизованного человека.

Чо Мёнг Хи в этом плане был близок Горький, который устами одного из своих героев — Макара Чудры — бурно восстает против раз и навсегда заданной доли бедняка:

«А введома ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце? Он раб — как только родился, всю жизнь

раб — и все тут! Что он с собой может сделать? Только удавиться, коли поумнеет немного...»

Утопиться от такой жизни решает героиня рассказа Чо Мёнги Хи «Новые нищие». Она продаст все, что еще оставалось в доме, и на вырученные деньги покупает мясо и кормит в последний раз детей, чтобы не получилось, что они так и умерли голодными.

«И вот сейчас — глубокая ночь. Она вновь представила себе пруд у мельницы. Посмотрела на спящих сыновей. Ах, если бы был какой-нибудь выход, хоть какая-нибудь надежда на то, что она сможет вырастить детей. Она готова была отдать за это последнюю каплю крови, последние силы...» Но надежды нет. И решимости не хватило столкнуться в пруд детей и броситься вслед за ними... И она выбирает омут нищенства.

В лирической миниатюре «Короткие мысли» путешественник встречает старца с котомкой на спине, который рассказывает о нищенской доле крестьян в растоптанной врагами Кореи. На вопрос:

— Ну а куда все-таки уходит урожай, который вы собираете каждую осень? Тот отвечает:

— На уплату за аренду земли, на налоги, на погашение долгов... Не успеем размолоть шалу, как она сразу исчезает, будто ее и не было...

— Выходит, вам не на что жить?

— Какое там жить! Живем лишь потому, что не можем подохнуть. Теперь у людей одна только злость. Да какая это жизнь?!

Собеседник горестно задумывается:

— А кто-то любит в это время природой, радуется цветам на весенних деревьях. А кому достанутся ягодки с этих цветов?

«Извергнутыми из жизни» оказываются герои рассказа «Однажды ночью». Это — горожане, сеульцы — бездомные безработные и больные. Они устраивают себе ночлежку в мрачных развалинах здания, которое когда-то называлось «павильоном красоты и вдохновения...» Но даже здесь им нет покоя — является сторож, правда, неизвестно что тут охраняющий, и пытается выгнать. Однако и сам он из этой же среды и занимается столь неблагородным делом только потому, что ему так приказали. А ослушается — завтра же окажется таким же, как эти несчастные — без работы, без средств на содержание семьи.

«Надо бороться», — приходит к неизбежному выводу главный герой рассказа.

Тему продолжает прямо по-горьковски названный рассказ «На дне», в котором повествуется о бедствиях молодого безработного интеллигента. Бесстрашно правдиво описывая условия «дна» общества, противоречащие самым естественным, неоспоримым правам человека, где поруганы все представления о правде, свободе и справедливости, писатель стремится доказать неистребимость человеческого в человеке, утверждает мысль о том, что при всех трагических обстоятельствах у людей живет мечта о другой, более возвышенной жизни. Таким образом Чо Мёнг Хи выходит за рамки и масштабы литературной школы «Нового направления» и определяет дальнейшее направление творческих поисков.

Сам же Чо Мёнг Хи уже через год, в 1925-м, пишет новый рассказ в продолжение темы поверженного человека. Это своего рода исповедь с элементами автобиографического жанра. На первый план здесь выходит объект изображения — его личность, характер, внутренние переживания. Писатель показывает человека в сложной и непримиримой борьбе с силами, сковывающими его духовное возрождение. Слова и мысли его черствеют, но в минуты наивысшего напряжения наступает просветление и обнажается нежная, глубоко ранимая и отзывчивая душа.

Речь идет о рассказе «Из жизни одного интеллигента», превосходно выполненное начало которого мы хотим предложить вниманию читателя и потом вместе обсудить:

Весной я уехал из Токио домой. Дом наш находился недалеко от станции. Он уже не принадлежал мне, а перешел в руки брата. Войдя в дом, я увидел грустную картину. Словно сельди в бочке здесь ютились человек пятнадцать-шестнадцать. Маленькие дети забились по углам, будто каштаны в печеной тыкве. Среди них были и мои дети.

Как же питалась такая большая семья? По утрам ели густую просыпанную кашу, по вечерам — жидкую. Если улыбалась фортуна, то на стол подавался рис. Иногда ели похлебку из трав с несколькими зернами проса. Если удавалось поесть два дня подряд, то на третий — голодали, а если ели два раза в день, то на ужин уже ничего не оставалось. Словом, жили впроголодь.

Но и такую жизнь можно было вести только в том случае, если удавалось у кого-нибудь взять в аренду для обработки клочок земли. Тогда уже можно было брать рабочий скот напрокат или же доставать деньги под высокие проценты.

Я не видел ни одного свежего лица. У всех кожа отливала нездоровой желтизной. Глаза их были полны злобы и походили на глаза человека, который испытывает нестерпимый зуд или только что принял горькую микстуру.

Говорят, что в бедных семьях люди чаще ссорятся. Достаточно было малейшего повода, чтобы разразилась гроза, независимо от того, начинали дети или взрослые. Словом, и взрослые вели себя не как взрослые, и дети не были похожи на всех других детей.

Почему такие тексты надо включать в хрестоматии и школьные учебники? Потому что это — классика. Вот так просто, без излишней аффектации и многословия, всего в нескольких абзацах передать дух времени, обозначить условия среды обитания и объемные образы ее обитателей, их душевное состояние — дано только великим писателям. А какие меткие сравнения! «Дети забились по углам, будто каштаны в печеной тыкве...» Это почерк большого поэта.

Художественным достижением реализма Чо Мён Хи является создание образа интеллектуального героя — свособразного двойника автора, проходящего через весь мемуарно-автобиографический цикл, к которому относятся также рассказы «О моей жизни», «Рассказ-дневник», «Фрагменты из биографии», написанные в сеульский период творчества в 1924-27-е годы. Цикл этот задумывался писателем как единая книга, представляющая собой органический сплав самых разнородных жанров: новеллы, биографического очерка, исторической миниатюры, философского эссе, дневниковых записей. В ее центре — человек пытливому ума, глубоко переживающий и чувствующий, он является выразителем той части корейской интеллигенции, которая через сомнения и ошибки приходит к нравственному возрождению, к борьбе за социальную справедливость.

А как же иначе, если, как обнаруживает герой рассказа «Из жизни одного интеллигента»: *«В Сеуле, по сообщениям газет, при населении 200 тысяч человек насчитывается 180 тысяч безработных. Уважаемые читатели, если есть где-либо на карте мира еще одно такое место, найдите его и покажите мне. Конечно, я не стал исключением, и эта громадная армия безработных увеличилась еще на одного человека».*

В богатом арсенале литературных приемов Чо Мён Хи вот этот — прямое обращение к читателю — производит неизгладимое впечатление. Такая свобода повествования, сдержанный драматизм и прон-

зительная проникновенность, идущие от виденного и пережитого лично — отличительные черты его прозы.

Действительно, за плечами Чо Мёнги Хи — неустрашенное детство без отца, которого лишился в четыре года от роду, работа на рисовом поле, скитания по стране в поисках заработка.

Братья и друзья еще с детства подметили в нем одну особенность, присущую только людям творческим: он никогда не унывал, ко всему относился с философским спокойствием, всякий раз до тошно исследуя причины того или иного события. И верил в торжество здравого смысла: из любой ситуации можно достойно выбраться, если не паниковать, не рвать на себе волосы, а хорошенько подумав, действовать. Отличался он наблюдательностью и цепкой памятью. Во всем умел разглядеть то, что сверстники порой и не замечали. Поэтому часто удивлял их то метким сравнением, то острым словом по поводу чего-нибудь всеми давно уже забытого...

К моменту отъезда на учебу в Сеул Мёнги Хи успел заслужить репутацию серьезного юноши, рассудительного и принципиального, рвущегося к свету знаний. Семье, особенно старшему брату, пришлось поднапрячься, чтобы скопить на дорогу и житье-бытье в городе необходимую сумму. Немного подзаработал и сам Мёнги Хи, устроившись работать писарем в местную канцелярию. Кстати, и это скучнейшее занятие он сумел превратить как бы в продолжение учебы — вырабатывал свой почерк, узнавал много самых неожиданных подробностей из внутренней, экономической и социальной жизни провинции.

Но закончить учительскую семинарию будущему писателю не привелось. Учеба поначалу нравилась, ведь здесь необъятный мир книг, возможность углубить свои познания в китайском и японском языках. А самое главное — общение с талантливыми сверстниками, с которыми бегал на различные зрелища, выступления акробатов, фокусников. Театра в ту пору как такового не существовало, зато была масса уличных представлений и замечательных актеров. С ними тоже подружился Мёнги Хи, но начав писать пьески и куплеты, долго сомневался, прежде чем решился предложить их актерам. Далекое не просто создать нечто такое емкое, остроумное, актуальное, чтобы тронуть сердца зрителей. Очень тонкий момент в судьбе любого художника: не вложишь в свои произведения душу, быть тебе поденщиком от искусства, народ не примет тебя. Во время уличных представлений это ощущалось особенно ясно. Тут, как

говорится, без посредников — или тебя оценили, или закидали чём-нибудь тухлым... Лучшей школы и придумать было трудно.

Проучившись в семинарии год из положенных двух и усвоив гораздо больше предусмотренного полной программой курса, Мёнг Хи сделал очень важный для себя выбор — не просто учительствовать в будущем, а стать воспитателем, просветителем и борцом с пером писателя в руке, как Ким Сак Кат, который был любимцем и защитником простого народа. Странствуя по стране, он набирался все новых впечатлений, писал на их основе новые стихи и читал их перед всегда с нетерпением ожидавшей его публикой.

— Но для этого надо учиться, — размышлял Мёнг Хи, отточить перо так, чтобы оно было острее меча, крепче каменной глыбы.

Однако такая возможность представилась не скоро. Деятельность японского генерал-губернатора была сосредоточена на экономической эксплуатации Кореи. Японские фермеры и рыбаки получали в пользование корейские земли и уголья бесплатно или за чисто символическую плату. То же и с перерабатывающими предприятиями и недрами земными. Местных жителей низвели до положения дешевой, практически даровой рабочей силы. А попробуй выступи против — наказание неизбежно. Вот почему период до Первомартовского восстания историки называют «сабельным режимом». В это время японский язык получил статус государственного на территории страны, утратившей свой суверенитет. Корейский язык был исключен из общественной сферы употребления. В школах и других учебных заведениях обучение велось на японском, газеты, журналы, книги, деловая документация — все издавались и велись на японском языке. Дошло до того, что на корейском языке запрещалось разговаривать в общественных местах, корейцам давались японские имена. Учитывая все это, Мёнг Хи отправился подальше в горы, на север, к горнякам. Так что не понаслышке он знал об условиях труда и жизни местных добытчиков полезных ископаемых. И видел, что именно здесь формируется организованное сопротивление, превращаясь в партизанское движение. Здесь он услышал Воззвание к народу легендарного командира отряда Хон Бом До. Позже и это наложит свой отпечаток на стиль писателя и на выбор литературного псевдонима — «Пхёсок», что в переводе означает «каменная глыба» или «булыжник», как орудие угнетенных.

ЗАРЯД НАДЕЖДЫ И ОПТИМИЗМА

У исследователей творчества Чо Мёнги Хи нет единого мнения по вопросу изменения глубинных основ его литературных привязанностей. Думается, что неправы те, кто считает, что Чо Мёнги Хи колебался между несоромантизмом Тагора и реализмом Горького, и в конечном счете отдал предпочтение последнему. Нет, он оставался всегда самим собой, т. е. был и романтиком, и реалистом, и философом. К тому же неправомерно лишать Горького, за которым закрепилась слава основоположника метода социалистического реализма, ореола романтика — вспомним его знаменитую «Песню о буревестнике», «Старуху Изергиль», «Сказки об Италии» и ряд других произведений. И сравним со стихотворением Чо Мёнги Хи «Клятва»:

*Клянемся!
Пусть идут!
Мы — миллионов сердца.
Огнем революции
Воспламененные.
Как сорняков
Затопчем их в пути.
Клянемся!
Пусть идут!*

Тут и призыв горьковского буревестника, и громогласная патетика Маяковского, и огонь Возвращения Хон Бом До. Все это переплелось и вылилось в волнующие и вдохновляющие строки.

Примерно так же получилось и в одном из лучших рассказов Чо Мёнги Хи «Низкое атмосферное давление». Здесь реализм в изображении суровой действительности сочетается с романтической мечтой героев об очистительном дожде, который разрядит эту душную невыносимую атмосферу. Подобное сочетание характерно и для рассказа «Иппыни и Ренни». Романтическая любовь батрака к дочери хозяина сталкивается с сословными препонами. Девушку отдадут в наложницы к престарелому волостному старосте, чья жена не смогла родить детей. В гневе Ренни сжимает кулаки, но поделаться ничего не может — таковы устои общества. Писатель не приукрашивает его образ, не изображает безумные подвиги во имя любви.

Нет, в жизни все гораздо прозаичнее — Ренни идет в кабаk, ища забвения в вине. Потом ему повезло — возлюбленная решается сбегать с ним. Казалось бы, вот он, желанный *happy end*, но не тут-то было. Бытовые неурядицы, полуголодное существование — и такая прекрасная любовь дает трещину. Доходит до ссор и даже до рукоприкладства со стороны «Ромео», т. е. Ренни, и «Джульетта» уходит к заводскому надзирателю Паку, который ходит в изящном европейском костюме и ездит на собственном автомобиле...

Разве не так порой бывает и в нашей, современной жизни? Меняются обстоятельства, меняются средства связи и передвижения, и многое другое, но сущность человеческих взаимоотношений, реакция людей на боль и радость сохраняются в своем первоизданном виде. Окажись на месте Ренни парень порасторопней, понастойчивей — глядишь, и получился бы счастливый конец в его горячей любви. Но он оказался, при всем своем крепком телосложении, хлипким и малодушным, и в итоге остался у разбитого корыта. Отказывая такому человеку в праве на счастье, правдивый писатель в данном рассказе наступает «на горло собственной песне» о том, что человек возродится любовью. Конечно, это так, но при одном важном условии: человек должен быть достоин этой любви. Он должен уметь отстоять ее перед лицом любых трудностей. Чо Мёнг Хи подводит читателя к мысли о том, что так все и останется, если с горя бежать в кабаk, если «воспитывать» возлюбленную посредством побоев.

Идеи необходимости самосовершенствования, борьбы во имя достижения социальной справедливости заложены и в драматургии Чо Мёнг Хи. Прекрасно зная традиции школ корейской национальной сцены, японского, русского и европейского театра, он намного раньше своих современников обратился к этому виду искусства, как наиболее демократичному и доступному. Уроки уличных представлений не пропали зря. Вот почему его пьесы отличались социальной злободневностью, актуальностью нравственной проблематики и сценической зрелищностью. Первые постановки были осуществлены в студенческом театре в Токио, позднейшие — во многих городах Кореи и Советского Союза. Наиболее значительными из дошедших до нас пьес Чо Мёнг Хи являются «Смерть Ен Ира» и «Пляска женщины-дьявола». Безоговорочное отрицание старого мира и вместе с тем острая критика аморальной природы зарождающихся буржуазных отношений и нравов сочетаются в пьесе

«Смерть Ен Ира» с идеей ответственности каждого за существующий порядок вещей. Это первая на корейской сцене лирико-философская драма чеховского плана, в которой красной нитью проходит мысль о том, что «виноваты все мы», и что пассивная жизненная позиция ведет в конечном счете к духовному и физическому крушению человека, и к остановке прогресса.

«Пляска женщины-дьявола» — это первая в истории корейской литературы политическая драма, написанная в условно-фантастической форме. Действие пьесы драматург переносит из соображений цензуры в древний Китай. Она рассчитана на искушенного зрителя, способного уловить ее символический подтекст. В пьесе удачно использованы приемы корейского народного представления, где за каждой маской выступает реальное лицо, несомненную оригинальность придает ей присутствие лирических характеров-персонажей, словно шагнувших на сцену из ранних стихов Чо Мёнг Хи.

Как драматургу, несоценимую помощь ему оказал друг, сын сеульского вельможи Ким У Дин. Прекрасно образованный, большой знаток и ценитель театрального искусства, он мог сделать блестящую карьеру. Но видел свое призвание совсем в другом, сам писал пьесы, но больше выступал как организатор, меценат, как выразились бы сегодня. Отец всячески поощрял тягу сына к образованию, но узнав, к какому направлению тот тяготеет, пришел в ярость. Не для того он отправлял сына на учебу в Японию, чтобы тот «якшался» с этими презренными фиглярами.

Между тем Ким У Дин сблизился с Чо Мёнг Хи, для которого очень многое сделал, и не только в плане финансовой поддержки. Он убедил сомневающегося в себе друга побольше и смелее писать для сцены, приобщил его к токийской артистической труппе, которую сам сколотил и фактически содержал. Потому что, познакомившись с первой пьесой начинающего драматурга, понял: перед ним бесценный талант и новые огромные возможности поднять театральное искусство Кореи на должную высоту.

Но не довелось. Конфликт Ким У Дина с отцом достиг пика, когда старый убежденный феодал прослышал о любовной интрижке сына, то ли с актрисой, то ли с певицей. Приказал срочно возвращаться домой, чтобы женить на достойной, по его меркам, девушке из хорошей семьи. Не смея открыто перечить отцу, но и не идя у него на поводу, Ким У Дин покончил жизнь самоубий-

ством... А ведь они только что с Чо Мёнги Хи создали первую в Корее профессиональную театральную студию...

Может, поэтому, а может потому, что вскоре в Японии произошло разрушительное землетрясение, после которого начались корейские погромы, Чо Мёнги Хи решил оставить учебу, хотя до окончания университета оставалось всего три месяца.

В своих пьесах, как и в литературной критике, Чо Мёнги Хи всегда остро публицистичен. Расценивая творчество не как отдушину для отдохновения, он приравнивает его к виду оружия, которым можно завоевать свободу и справедливость. Ему хочется выплеснуться перед читателями и зрителями, быстрее и как можно яснее поделиться своими тревогами и надеждами, сделать их единомышленниками. То же и в его обращениях к новому поколению поэтов и писателей родной земли. Достаточно прочитать обзорную критическую статью «О стихах, опубликованных в журнале «Родина трудящихся», в которой Чо Мёнги Хи делится своим взглядом на роль культуры в обществе, призывает бережно относиться к собственной истории, национальным традициям и обычаям. С другой стороны, — предупреждает он, — опасно замыкаться в собственной скорлупе, и надо обогащать новые произведения, обращаясь к художественному и эстетическому опыту мировой литературы.

Характерно, что и аналитические работы Чо Мёнги Хи пронизаны светом его поэтического дара. Призывая своих коллег, особенно молодых, к созданию содержательных, высокохудожественных произведений, он находит слова, которые обязательно врежутся в память: *«Некоторые пишут стихи, где вместо звона колокольчика мы слышим оглушительный грохот жестяной коробки...»*

Или: *«А есть и такие, будто их перевели с другого языка, более того, иногда складывается впечатление, будто написаны они иностранцем, плохо владеющим родным языком. Поэтому на свет появились не стихи, «сотканые из шелковых нитей», а лохмотья со множеством заплаток».*

Безусловно, благодаря такой изящной, образной лексике, Чо Мёнги Хи точно попадал в цель. Касаясь произведений конкретных авторов, он был предельно деликатен:

— *Возможно, я в чем-то субъективен, возможно, кто-то назовет это критиканством, но давайте вместе откровенно взглянем на предмет обсуждения. Вот, есть у нас замечательный поэт Анатолий Хан. В отличие от многих других он как капля дождя в засуху.*

Но даже у него встречаются досадные огрехи. Возьмем стихотворение «Любовь». Тема, конечно же, как говорится, обязывает. Но если звучание прежних его вещей напоминает игру на скрипке, то здесь это дудение горна. А описание природы выполнено не нежной акварелью, а сухим карандашом. И вместо яркого полотна получился лишь эскиз.

Делая столь внушительный «разнос» Чо Мёнг Хи бережно продолжает:

— И все же и в этом стихотворении легко угадывается оригинальная манера автора. Я надеюсь, что мои слова он воспримет как добрый совет.

Размышляя о природе творчества вообще, Чо Мёнг Хи рекомендует:

— Сегодня среди корейцев немало желающих заниматься литературным творчеством, но они мало работают над собой. Нужно ли говорить, что если хочешь творить, нужно читать до одурения, писать до одурения, мучаться, страдать. Ни в коем случае нельзя думать, что можно создавать вещи легко, без особого напряжения.

Ну разве не актуальны эти слова и нынче?! Скрупулёзно, буквально по строчкам разбирая произведения, Чо Мёнг Хи прокладывает новое направление критической мысли. Он с гордостью констатирует тот факт, что имея в своем распоряжении школы, театры, газеты, мы еще издаем свои книги. Журнал «Родина трудящихся» идет нарасхват, едва появляется свежий номер. Вот почему, — считает он, — всем этим надо умело пользоваться.

Чо Мёнг Хи приводит очень наглядный, убедительный пример:

— Это было три-четыре года назад. В один колхоз приехали помогать крестьянам корейские военные. А вечером они выступили с концертом. И вот представили песню, которая по замыслу авторов должна отразить мужество наших воинов, успешно сражавшихся с врагом в Северной Маньчжурии. Вся публика замерла в ожидании. Однако получился конфуз: песня с таким прекрасным, патриотическим содержанием была сложена на мотив придворной «Песни о Чхандоккун», которую исполняли во время похорон короля... Скорбь и уныние вместо мажорного задора.

Заслуживают большого внимания слова Чо Мёнг Хи о сочетании в произведениях искусства элементов старинных традиций с новаторскими:

— Конечно, хорошо, когда в стихотворении или песне есть что-то от сиджо. Но ведь и сиджо, и тхарен, и танга создавались по разным поводам, с разной тональностью. Тягучие, монотонные способны вызвать зевоту и сон в наше время, когда жизнь крутится колесом. Жалобные, вышибающие слезу, отражающие боль и страдания угнетенного народа, такие, как «Мольба», «Печаль», «Ариран» — это вздохи слабых. Нужно ли это, при всем уважении к творчеству феодальных времен, переносить в день сегодняшний? Я думаю, что не нужно. Почему же переносим? Скорее всего потому, что среди корейцев, проживающих на Дальнем Востоке, нет композиторов. Приходится мелодии заимствовать, но не всегда это получается удачно.

Обращаясь к первым выпускникам корейского пединститута во Владивостоке через газету «Авангард», Чо Мёнг Хи призывает их не забывать свои корни, вникнуть в величие задач, которые им предстоит решать. Всеми силами и средствами - как поэт, писатель, драматург, критик и публицист-просветитель - он способствовал росту творческого потенциала, укреплению национального самосознания корейцев, призывал их быть достойными членами мирового сообщества.

ЦЕНА БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ

Кажется, непосредственно к нам, живущим сегодня вдали от исторической родины, обращен рассказ Чо Мёнг Хи «Чхун Сон». Написанный в 1927 году, он, наряду с рассказом «Нактонган», стал своего рода литературным завещанием своим дорогим землякам. Но об этом немного позже. В работе В. Н. Ли есть в связи с этим такое напутствие будущим исследователям творчества Чо Мёнг Хи: «Важнейшая задача заключается в том, чтобы максимально раскрыть то, что принадлежит в его наследии и нашему времени, и нашему будущему». Действительно, для большого художника Время и Пространство не в счет. Он может писать хронику доисторических времен, и отразить при этом день сегодняшний и завтрашний. Таково непостижимое свойство таланта. Мы не говорим здесь о гениальных предвидениях таких писателей, как Жюль Верн, Герберт Уэлс, чьи, казалось бы, совершенно фантастические и нелепые в их эпоху проекты давно осуществились и стали нашей повседневностью. Речь идет о предвидении исторических судеб людей и целых народов.

Нам могут возразить: Чо Мёнг Хи на ура воспринял социалистическую революцию, во весь голос воспевал ее в своих стихотворениях — «Песнь Октябрю», «Большевицкая весна», «Комсомольск» и др. Да, воспевал, и даже одну из самых положительных своих героинь по фамилии Ро назвал Розой — в честь революционерки Розы Люксембург... Чтобы понять причины такой «недальновидности», нужно глубоко погрузиться в идеалы страны, куда приехал преследуемый японскими ишчйками писатель. (В рассказе «Товарищ» атмосфера бесконечных погонь, укрывания от полицейских застав и шпиков передана очень живо). Только оказавшись в Приморье, Чо Мёнг Хи наконец вздохнул полной грудью. Он обнаружил разительнейший контраст между тем, что в данный исторический момент происходило на родине, и здесь, в стране Советов. Очень многое, о чем только мечтали передовые умы в Корее, тут уже воплотили в жизнь. На весь мир гремели первые пятилетки, первые трудовые рекорды представителей освобожденного рабочего класса, Днепрогэс и Магнитка, коллективизация сельского хозяйства... А самое главное — в глазах людей, в их мыслях и поступках Чо Мёнг Хи видел искреннюю убежденность, веру в светлое будущее.

Сбывалась всковая мечта человечества. Казалось, все утопии прошлого об обществе свободных, равноправных, счастливых людей, где человек человеку друг, товарищ и брат, — здесь становятся реальностью. На их знамени было начертано: «От каждого по способностям, каждому — по потребностям!» Когда до такого прекрасного девиза дойдет несчастная Корея?... И пусть бывают какие-то шероховатости и перегибы, но ведь просто так, без борьбы ничего не дается. Так думали тогда миллионы людей. И в едином революционном порыве действительно своротили горы, повернули реки — это стоило воспевания.

Непоколебимая вера в идеалы социализма, взламывающего все устройство и всю психологию старой жизни, вдохновляла, открывала новые заманчивые горизонты. Отдавая всю свою творческую энергию изображению стремительных перемен в обществе, новых героев-созидателей, многие писатели того времени нередко в ущерб художественной направленности произведений на первый план выдвигали ура-патриотическую публицистику. Не избежал этого и Чо Мёнг Хи. С родины он вывез жар негодования к несправедливости, бедности и забитости своего народа, а здесь воочию увидел свет-

лый путь, по которому следует твердо идти, чтобы покончить со всем этим и обеспечить людям достойную жизнь. Чем был привлечен социализм? Прежде всего, ликвидацией эксплуатации человека человеком. Ликвидацией сословного неравенства. Передачей власти, всех общественных благ, средств производства, земли рабочим и крестьянам. Прошло время протестовать против буржуазно-капиталистических порядков в этом торжествующем шествии истинной справедливости. Пришла пора созидания.

И кто тогда мог знать, что это были лишь благие намерения? Социализм в России утверждался в жесточайшей гражданской войне представителей прямо противоположных идеологий, и хотя историки ограничивают ее рамки 1918-1922 годами, на самом деле она никогда не прекращалась до самого развала Советского Союза. И поныне, в «холодном» виде продолжается на новом историческом витке.

В начале тридцатых годов мощная, назовем ее, промежуточная платформа союза марксистов-ленинцев (группа Рютина) выступила с резкой критикой в адрес Сталина и его партийного аппарата. Но это была не белогвардейская оппозиция, а напротив, как казалось ее авторам, позиция ортодоксального марксизма-ленинизма. Поэтому своей целью они ставили «задачу революционного, а не контрреволюционного устранения» сталинской диктатуры. Только теперь, спустя десятилетия, можно совершенно однозначно сказать, что группа Рютина лишь подлила масло в огонь, и именно из-за ее нелегально распространявшихся материалов был усилен репрессивный аппарат. Исходной точкой рассуждений рютинцев было письмо Маркса к Кугельману, в котором говорится:

«История имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение или замедление в сильной степени зависит от этих случайностей, среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих в начале, во главе движения».

— В наших условиях, — продолжили мысль рютинцы, — такая случайность, как характер человека, стоящего во главе движения, во главе партии и рабочего класса, — характер Сталина, играет поистине роковую роль. В условиях пролетарской диктатуры, сосредоточившей в своих руках все рычаги экономики, обладающей

аппаратом в десятки раз более мощным и разветвленным, чем аппарат любого буржуазного господства в стране одной партии и гигантской централизации всего партийного руководства — роль генсека огромна. Его личные качества приобретают исключительное политическое значение. И эти качества, такие, как нетерпимость к критике и мнению других, грубость, капризность, зазнайство, вскоре привели к тому, что сначала осторожно, потом все наглее сбрасывая с себя маску «скромного старого большевика», которого партия «заставила» нести тяжкое бремя генсека, Сталин превратился в вождя, гениального теоретика, величайшего из великих. Других эпитетов он не принимал от холуйски-раболепных, вымуштрованных товарищей. Ну, а за критику, малейшее неосторожное слово просто уничтожал их.

Таким образом, у вождя хлопот действительно хватало — ведь ему противостояли не одна оппозиция, а целых три! Во-первых, остатки ликвидированного класса эксплуататоров, во-вторых, не согласные с его генеральной линией ортодоксальные марксисты-ленинцы, и в-третьих, все те, кто не пел ему дифирамбы.

Отличным предлогом для расправы с инакомыслящими стало злодейское убийство Кирова 1 декабря 1934 года. Оно послужило началом массовой кампании по истреблению партийных, советских, комсомольских, хозяйственных и военных кадров, которая продолжалась вплоть до начала Великой Отечественной войны. Выстрел в Смольном стал поводом для сведения счетов не только с теми, кто раньше принимал участие в той или иной группировке, но и против преданных генсеку партийных кадров, на которых пало хотя бы малейшее подозрение в причастности к оппозиции. В архиве Комитета партийного контроля имеется 11 томов — списков на массовые расстрелы коммунистов. Эти списки представлялись органами НКВД на подпись Сталину, Молотову и Кагановичу и другим членам высшего руководства. По таким спискам с февраля 1934 по сентябрь 1938 года 38848 коммунистов были расстреляны и 5449 — заключены в тюрьмы и лагеря. Были также репрессированы тысячи политэмигрантов, жены «врагов народа» и их дети старше 15 лет. В соответствии с одним из приказов от 30 июля 1937 года был установлен лимит на 258950 человек, подлежащих осуждению по первой и второй категориям (первая категория — расстрел, вторая — 10 лет лагерей). Этот лимит был «спущен по разрядке» во все республики, края и области страны. При этом в списки попали

не только руководящие кадры, но и многие рядовые коммунисты, беспартийные, в числе которых был и Чо Мён Хи.

Если бы он только знал, в какую петлю сует голову!.. Глотнув свежего воздуха свободной страны, тепло принятый приморскими писателями, Чо Мён Хи в 1928 году, конечно же, не мог сразу проникнуть в глубинную суть происходящих здесь событий и имеющихся противоречий. Между тем, именно в том году ситуация с индустриализацией и коллективизацией обострилась до предела. К этому моменту, несмотря на постройку десятков крупных заводов и наличие 100 тысяч тракторов в деревне, рабочий класс и крестьянство владели полуголодным существованием. Главным стимулом к «ударному» социалистическому труду было все то же «революционное насилие». И это не произошло в одночасье — так, уже в декрете Совнаркома от 14 ноября 1919 года «О рабочих и дисциплинарных товарищеских судах» для нарушителей трудовой дисциплины и лиц, не выполнявших норм выработки без уважительных причин, предусматривались наказания до 6 месяцев заключения в лагере принудительных работ. В лагеря отправляли и крестьян за неурожай, невыполнение продрозверстки и иные провинности. Репрессии, таким образом, были неотъемлемой частью не только политического, но и хозяйственного механизма страны. Дешевая рабочая сила, подневольный рабский труд заключенных, поборы с деревни, жители которой не имели паспортов и работали за нищенские трудоводни — таковы были «внутренние ресурсы» социализма и поленински, и по-сталински.

Коллективизация, которая уже с конца 1928 года стала проводиться методом прямого и косвенного принуждения, в дальнейшем пошла через прямое насилие. Раскулачивание, разорительные хлебозаготовки, налоги, массовые доносы и аресты — все это было направлено на то, чтобы загнать крестьян в колхозы. Одним из серьезных ответов на эту политику стала волна невиданных в истории середнячко-бедняцких восстаний. Крестьяне поняли, что жить стало даже хуже, чем при крепостном праве. У них почти даром отбираются хлеб, мясо, шерсть, лен — все это стягивается в голодающие города или за бесценно экспортируется за границу. Деревня превращена в самый худший вид колонии. Товаров нет, а домо-тканную одежду и обувь приготовить не из чего, ибо все сырье отобрано. Острodefицитным товаром стали лапти... При «царс-ба-тюшке» до такого не доходили...

Зато дошли в Корсе при японских оккупантах. Что-то знакомое стало постепенно проявляться: *«Вот мы и докатились до того, что дальше уже некуда... Мир так изменился... Взять к примеру, хотя бы нашу деревню. Ведь это страх, что происходит! Все долговые проценты, все эти проценты! Раньше наша деревня была довольно крепкой, а сейчас обнищала, так опустела... Жить не на что»*. Эти строки Чо Мёнг Хи написал в 1926 году («Новые нищие»). И вот, как бы в продолжение в рассказе «Чхун Сон», написанном за год до эмиграции: *«Вот возьми кооперативное движение. Прошлой осенью было столько шума, носились так, что ноги посбивали, и то добились лишь незначительного понижения арендной платы, только чуть полегче жить стало. А вот посмотрим, что этой осенью будет. Эх, если бы как и в прошлый раз, сцепиться с этими сволочами, вступить в борьбу. А так что толку ходить за ними следом. Иногда скажешь им слово-другое — и все... Чувствую я, что в этом году мы ничего не добьемся, а налоги еще выше станут. А что такое кооператив для этих сволочей? Все это лишь для того, чтобы заигрывать с бедным крестьянством»*.

Уж где-где, а в стране, строящей социализм, Чо Мёнг Хи такого не ожидал. И долгое время отказывался верить в то, о чем иногда просачивалось в печати или осторожно поговаривали среди коллег — волнения в народе, бунты, политические процессы...

УРОКИ В СЕЛЬСКОЙ ГЛУБИНКЕ

Складывающаяся ситуация в чем-то напоминала ему о всплеске всенародного гнева и протеста в тот момент, когда король Ко Джунг был вынужден отречься от престола, и достигшем кульминации после того, как его вместе со всей семьей отравили в собственном дворце. Это переполнило чашу терпения народа. Собравшиеся в сеульском Пагода-парке патриоты провозгласили Декларацию независимости Кореи. Происходило это 1 марта 1919 года и вошло в историю как Первоапрельское восстание (Самиль Ундон).

Оно было жестоко подавлено, тысячи людей были убиты, десятки тысяч из первых попавшихся под руку людей были ранены или отправлены за решетку, в их числе и Чо Мёнг Хи, которого запомнили по его пламенной речи на митинге. Свободы и независимости они не добились, но после восстания в народе укрепился дух национального единения и патриотизма, оно привело к созда-

нию Временного Шанхайского правительства и вдохновило людей на вооруженные выступления в Маньчжурии. Ослабел и «сабельный» режим японцев.

Да, так несладко приходилось в условиях колониального гнета. Но почему здесь, где давно раздавлена Антанта, и громадная территория принадлежит ее истинным хозяевам, ситуация складывается так, будто ее терзают полчища врагов? Пытаясь ответить самому себе на этот и ряд других жгучих вопросов, Чо Мёнг Хи, первое время как бы со стороны вглядываясь в совершенно новые для него устои общества, невольно сравнивал и глубоко задумывался.

Во всяком случае, было огромным облегчением получить возможность писать без оглядки на японскую цензуру. Коллеги и местные корейцы сердечно встретили известного писателя, окружили заботой и вниманием. Да и в приморских органах власти нашлись люди, способные чутко отнестись к нелегкой судьбе эмигранта. Они предложили ему немного отдохнуть, отдышаться, а потом выбрать подходящее место жительства в одном из крупных городов страны. После долгих лет опалы и преследований все это было неособенно и трогательно. Ведь он только что с неимоверными трудностями и риском, сопровождаемый партизанами, пересек границу через реку Туманган.

Кстати, в пути у него зародился замысел написать роман о партизанах. Очевидно, толчком послужили рассказы попутчиков о ставшем уже тогда легендой Хон Бом До.

Заметим, что преследуемый превосходящими силами врага, его отряд перебрался на Дальний Восток, и там превратился в стрелковый батальон, вошедший в состав Красной Армии. С достоинством и славой возглавлявший его комбат Хон Бом До в период сталинских репрессий с семьей был депортирован в Кызыл-Орду, где умер в 1943 году.

Чо Мёнг Хи решил поселиться в сельской глубинке. Во-первых, привычнее, во-вторых, ближе к реальной жизни простых людей, о которых собирался писать. Таким местом оказалось село Пуциловка, что поблизости от райцентра Никольск-Уссурийск.

Писателя пригласили работать в местную школу крестьянской молодежи, и он с радостью принял это предложение. Школа располагалась в живописном местечке. Даже сердце зашемило при виде такой красоты — так было похоже на родную деревню Пёгамни...

Одной из лучших учениц была Катя Цой, которая спустя годы, уже будучи кандидатом филологических наук, старшим преподавателем Института восточных языков при МГУ, вспоминала:

— Шел 1929-й год. Я училась в четвертом классе. И вот однажды нам представили нового учителя, который всем нам очень понравился, а когда мы узнали, откуда и кто он, то сразу прониклись к нему уважением. Да и сам по себе это был очень интересный, остроумный, привлекательный человек. Как-то он дал нам такое задание — написать сочинение на свободную тему — о чем мы думаем, глядя на прелестную сопку возле школы, которую он назвал горной погодой. Из всех работ учитель почему-то выделил мою и велел поместить ее на выставке лучших школьных сочинений.

Потом он предложил поставить на нашей маленькой сцене пьесу «Девушка-революционер». К сожалению, как и многие другие произведения Чо Мёнги Хи, она не сохранилась, и я помню ее содержание лишь в общих чертах.

Молодую подпольщицу схватили японцы, но сколько ни пытали, ничего от нее не добились. Ее приговорили к расстрелу. На казнь ее ведут прислуживавшие оккупантам корейские полицаи. Но по дороге девушке удается убедить их отпустить ее, пробудить патриотические чувства. И тогда они втроём уходят к партизанам.

Я в этой пьесе играла сестру главной героини. По ходу действия мне надо было исполнить песню. Это у меня на репетициях плохо получалось. И вот что тогда придумал Чо Мёнги Хи: за кулисами посадил настоящую певицу... Потом все восхищались «моим» голосом, а я была благодарна учителю за выдумку и поддержку.

Мы, можно сказать, учились на его произведениях. Безусловно, именно благодаря этому я выбрала профессию филолога, и одну из основных своих задач вижу в том, чтобы пропагандировать его творчество, способствовать как можно более широкому переводу произведений Чо Мёнги Хи на различные языки народов мира.

Мне удалось сохранить ряд его стихотворений, которые он писал не для публикации, а специально для нас, своих учеников. Так что в пору нехватки учебной литературы его прекрасные стихи и рассказы заменяли нам хрестоматию.

Часть из того, чем так щедро делился учитель, Екатерина Цой в свое время передала в комиссию Союза писателей по литературному наследию Чо Мёнги Хи — две записные книжки, в которых крупным ученическим почерком было записано более 40 стихов,

рассказов и пьес. Комиссия, возглавляемая известным писателем Александром Чаковским, порекомендовала включить их в качестве учебных материалов в школьную программу преподавания корейского языка.

Много теплых слов в адрес своего учителя говорили в разное время Цой Иван — теперь уже бывший первый секретарь Сахалинского обкома и бессменный руководитель колхоза «Правда» под Ташкентом, Ким Максим Павлович — действительный член Академии наук СССР, Хван Иннокентий Иванович — востоковед, научный работник этой же Академии, Пак Ичун — председатель пуциловского колхоза, а позже председатель колхоза в Гурленском районе Хорезмской области, Хан Ирму — вице-адмирал флота КНДР, поэт Хан Анатолий, народный артист Казахстана Ким Дин и многие другие.

Особый вклад в увековечение памяти Чо Мён Хи внес Хван Дон Мин. Отдавая ему за это дань уважения, хотя бы коротко расскажем об основных этапах его жизни и научной работы. Хван Дон Мин, по-русски Иннокентий Иванович, родился 12 сентября 1912 года в селе Пуциловка Уссурийского района Приморского края в семье крестьянина-бедняка. С ранних лет начал трудовую деятельность: работал в колхозе, учился на рабфаке в Челябинске, работал в редакции районной газеты. В 1940 году по окончании исторического факультета Московского государственного института истории, философии и литературы работал старшим преподавателем истории колониальных и зависимых стран в Сталинградском пединституте. С 1943 по 1945 годы преподавал в Ташкентском институте инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства. В 1945 году переезжает в Москву и посвящает себя корееведению. Он организовал корейское отделение в Московском институте востоковедения. Позже при его участии началось преподавание корейского языка в Институте внешней торговли и на историческом факультете МГУ.

Став доцентом кафедры истории стран Дальнего Востока, он подготовил сборник учебных материалов и хрестоматию по корейскому языку. Иннокентий Иванович был в числе первых советских ученых, защитивших кандидатскую диссертацию по истории Кореи. Работая с 1958 года в Институте востоковедения Академии наук в отделе памятников письменности народов Востока, опубликовал ряд важных материалов об освободительной борьбе корейс-

кого народа против иноземных нашествий, начиная с X века. Вел большую просветительскую работу среди советских корейцев, воспитывая в них любовь и уважение к богатому культурному прошлому своего народа.

Будучи членом комиссии по литературному наследию Чо Мёнги Хи, многое сделал для восстановления доброго имени писателя. Вместе со своей супругой, кандидатом филологических наук востоковедом, Екатериной Цой осуществил научное издание избранных произведений на корейском языке (М., 1959) и посвятил творчеству Чо Мёнги Хи ряд статей в прессе.

В той же школе крестьянской молодежи учился Кан Сан Хо, ставший впоследствии генералом северокорейской армии. Он тоже хорошо запомнил своего учителя:

— Когда мы узнали, что нам теперь будет преподавать уроки родного языка и литературы знаменитый писатель из Кореи, то с нетерпением ждали начала первого урока. И наши ожидания оправдались — с первых же слов, всем своим видом — высокий, стройный, вежливый — он покорила наши сердца. Рассказывал обо всем легко и доступно. Это был редкий случай, когда мы хотели, чтобы урок продолжался и продолжался.

Мы частенько навещали его в доме, где он поселился с учителями математики и физики. Он обогрел многих, в том числе и меня, теплом своей души. Узнав, что мой отец был партизаном и погиб в борьбе с японскими оккупантами, попросил подробнее рассказать о том, что я об этом знаю. И дал понять, что и моя судьба будет отражена в его будущем романе о партизанах. И может быть в знак особого расположения, дал мне почитать черновую рукопись романа «Под красным знаменем». Жаль, что по стечению обстоятельств он так и не был опубликован. А у меня, помню, дух захватывало, когда я читал его при свете керосиновой лампы. Несколько ночей напролет я провел без сна. В романе рассказывалось о восстании крестьян и рыбаков против японских угнетателей. На помощь к ним из Сеула отправляется специально подготовленный человек. Помню, только одно описание его опасного пути на парусном судне представляло собой целую поэму. В каждой строке чувствовалась рука выдающегося поэта.

Почему роман не вышел в свет? Мне трудно судить об этом, хотя я слышал, что во владивостокском издательстве газеты «Авангард», где предполагалось напечатать роман отдельной книгой, руко-

пись, передавая из кабинета в кабинет, в конечном счете потеряли. Или сделали вид, что потеряли.

Рукопись нашли, когда ею заинтересовался сам Абдукасым Лахути — председатель комитета по национальной литературе при Союзе писателей страны. Однако вскоре после того, как вторично рукопись была сдана в издательство, она бесследно исчезла...

Екатерина Цой вспоминала:

— Мысль о создании этого романа он долго вынашивал. Еще в Корее наметил основные главы будущей книги. Но делал это урывками, откладывая до лучших времен. В Приморье взялся основательно, и буквально за несколько месяцев завершил работу над романом. Здесь еще подстегивала мысль: пусть скорее мои соотечественники, живущие вдали от родины, узнают о том, что сейчас там происходит, о подвигах и славе своих земляков.

Думаю, что рукопись изъяли и спрятали работники корейского отделения издательства, которые, как это у нас водится, и там разбились на фракции, и кому-то этот роман был как кость в горле.

Вскоре Чо Мёнг Хи предстояло покинуть Пуциловку. Он полюбил ее за тишину и спокойную размеренную жизнь, куда эхо крупных событий, происходивших в стране, казалось, докатывалось в самую последнюю очередь. Корейцы здесь обосновались, заслужили авторитет среди местных жителей благодаря огромному трудолюбию и заметным успехам в сельском хозяйстве. Местные власти, видя, с каким трудолюбием и любовью ухаживают корейцы за каждым клочком земли, какие щедрые получают урожаи со своих небольших грядок, позволяли им осваивать все новые пустующие участки, строиться. Получая отсюда добрые вести от родственников, волнами накатывались все новые партии беженцев. Они активно включались в работу и быстро обживали этот таёжный край, так похожий и не похожий на родной.

В 1931 году Чо Мёнг Хи предложили пересечь работать в Никольск-Уссурийск, бывший в ту пору свособразным центром притяжения и образования для корейцев. Здесь для них было открыто несколько общеобразовательных школ, два техникума и партшкола. Издавались первые в крае газета и журнал на корейском языке, в которых печатался и Чо Мёнг Хи.

Приехал он сюда с женой, с которой познакомился в Пуциловке. А произошло это так. В село прислал на каникулы студент Хван Дон Мин, учившийся в Челябинске. Узнав о том, что здесь

проживает известный писатель, он счел своим долгом представиться ему, а заодно представить и свою старшую сестру, которую по неизъяснимому совпадению тоже звали Мёнг Хи.

— Мы из крестьян-бедняков, — говорил Дон Мин, но вот смотрите, я учусь в институте, а сестра — активистка всех женских собраний, борец с мешанством и потребительством.

Они полюбили друг друга, но так как в личной жизни каждого из них было немало осложнений, вызванных первым ранним браком, долго не решались проявить свои чувства. Нелегкой выдалась и судьба избранницы Чо Мёнг Хи. Она рано потеряла мать, и на ее хрупкие плечи лег груз забот по хозяйству, воспитанию младших братьев Чен Ира и Дон Мина. В восемнадцать лет вышла замуж, однако семейного счастья практически не было — муж отправился воевать на гражданскую, да так и не вернулся. Получив похоронку, она не поверила и продолжала ждать еще целых десять лет.

Вот ведь как ей выпало: Чо Мёнг Хи, которого арестовали в 37-м, она ждала до самой смерти, т. е. тридцать пять лет... Поминки справляла, как и полагается, но в глубине души всегда таила надежду... И, уже будучи тяжело, неизлечимо больной, она в последнюю минуту прошептала дочери: «Там внизу много народу пришло за мной... И твой папа тоже, ты меня спусти с кровати...» Как рвалось ее верное сердце к тому, кого она всегда почитала и как отца троих своих детей, и как великого человека, которого она, недостойная не уберегла... Похоронили ее в июне 1972 года на сельском кладбище, рядом с внуком Эдиком, который прожил на свете всего девять лет. В гроб положили книгу избранных произведений Чо Мёнг Хи.

ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

Есть ли в переплетении человеческих судеб какая-то высшая предначертанность? Почему у одних все складывается удачно, как по хорошо написанному сценарию со счастливым исходом, а у других — все вкривь и вкось? Почему порой самые продуманные, взвешенные решения оказываются слабее силы обстоятельств? Можно сколько угодно спорить, ссылаться на авторитеты, но лукавить не надо — жизнь каждого из нас складывается далеко не по намеченному плану, даже если он зиждется на целеустремленности и решительности характера. Трудно ответить на эти вопросы, да наверное и невозможно.

Хорошо, а почему именно в Пуциловке Хван Дон Мин встретил и полюбил красавицу по уже знакомому нам имени Цой Катя? Случай? Или так расположились звезды?.. Со временем они поженились, и очень многое сделают для увековечения памяти человека, с которым им посчастливилось сблизиться и породниться.

Между тем Чо Мёнг Хи с семьей переехал в Хабаровск, куда постепенно стягивались все культурно-просветительские учреждения советских корейцев. Грозы еще не было, но тучи сгушались. Многим пока было невдомек, что эти передвижки в глубь материка, подальше от границ, предвещали самые тяжелые последствия.

Светлым пятном на этом отрезке жизни Чо Мёнг Хи была дружба с маститым писателем, председателем красной писательской организации Александром Фадеевым. Он позаботился о житье-бытье своего коллеги из Кореи, помог поселиться в двухкомнатной квартире в Доме литераторов. По рекомендации Фадеева Чо Мёнг Хи на первом съезде Союза писателей СССР был принят в его ряды. Но не за благодеяния, а за огромный талант и душевную теплоту, искренность и мужество уважал его Чо Мёнг Хи. И пусть иные из литераторов, критиков и историков давали Александру Фадеевичу резко отрицательную характеристику, обвиняли даже в пособничестве репрессиям по отношению к прогрессивной интеллигенции. Чо Мёнг Хи знал его лично, и был в курсе того, скольких художников слова он спас от преследований. Да и вся короткая биография этого человека — как открытая книга. Родившись в 1901 году в Тверской губернии, он вырос на Дальнем Востоке, в 18 лет вступил в партию большевиков. Участвовал в гражданской войне, о чем в 1927 году написал роман «Разгром». Эту же тему продолжал разрабатывать в романе «Последний из удэге». В 1926-32 гг. входил в состав руководства РАПП - российской ассоциации пролетарских писателей. После смерти Горького был председателем правления Союза писателей страны.

«Функционер» и «карьерист», как тогда и уже после трагической смерти Фадеева называли недруги автора классического советского романа «Молодая гвардия», на самом деле он был легко ранимым и исключительно правдивым человеком. Сколько раз, скрепя сердце, он переписывал заново главы, «недостаточно отражающие направляющую роль коммунистов» в книге о подпольщиках Краснодона. Ну нельзя же было вводить в почти документальное произведение роль, которую практически никто не играл. В

результате из полустихийного протеста, по сути, подростков, которые как могли боролись с фашистами, получалось очень организованное движение, заранее спланированное, вдохновляемое и направляемое подпольным обкомом партии...

Пресс партийной цензуры в конце концов довел писателя до самоубийства. Об этом он написал в предсмертном письме:

«Нас низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это партийностью. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни».

Вот она — правда, вся накопившаяся за многие годы горечь. Мог сказать такое человек с черной душой? Никогда! Задолго до рокового 13 мая 1956 года Фадсев, съездив как-то в одно из приморских сел, где любил бывать, с тревогой рассказывал Чо Мёнгу Хи о бедственном положении крестьян и по секрету сообщил, что по его просьбе местные власти обещали «оказать содействие» жителям несчастной Чугуевки.

Чо Мёнгу Хи и сам, с его пронизательностью, не мог не видеть истинного положения дел в этой так привлекшей его поначалу стране победившего социализма. На многое открывал ему глаза и Фадсев. Особенно врезался в память майский день 1937 года, когда состоялось совещание красной писательской организации. Выступив с дежурной речью, упомянув о вкладе корейской диаспоры в становление «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры, вечером, гуляя по набережной Амура, Александр Александрович спросил Чо Мёнгу Хи о том, как продвигается его работа над новым романом и полуслушя посоветовал: «Смотри, как бы редактора опять чего не напугали». Потом задумчиво и тихо добавил: «Ваших уже тоже начали хватать».

Да, тучи неумолимо сгушались.

Теперь, когда открылся доступ к сверхсекретным архивам, мы знаем разгадку. Стало известно, что уже в конце 20-х - начале 30-х годов у советского руководства были планы по отселению корейцев из пограничных районов Приморья в отдаленные территории Хабаровского края. Вот почему именно в Хабаровск был переведен тот самый пединститут, который до поры до времени служил надежным «проявлением заботы» о местных корейцах. Между тем, за

несколько месяцев до его открытия, 25 февраля 1930 года Политбюро под председательством Сталина уже вторично (в первый раз это было 18 августа 1927 года) обсуждает вопрос о переселении дальневосточных корейцев. А 21 августа 1937 года принимается объединенное постановление Совета народных комиссаров и ЦК ВКП (б) «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края». В преамбуле постановления указано: «в целях пресечения проникновения японского шпионажа». На этом основании по всей стране в спешном порядке выявляются, задерживаются, подвергаются арестам и депортации корейцы, проживающие или обучающиеся в центральной России.

На Дальнем Востоке начались партийные чистки и репрессии, охватившие все органы власти и интеллигенцию. На смену заключенным в лагеря и казненным пришла новая волна функционеров и чиновников, не имевших опыта совместной работы с местным, в том числе, пришлым населением, готовых выслужиться жестким выполнением поставленных задач. Так, незадолго до массовой депортации начальником Дальневосточного управления НКВД назначили специалиста из Ростова Г. Люшкова, который предварительно был вызван в Кремль для конфиденциальной встречи с самим вождем. Вот он-то, Генрих Самуилович, утвердил ордер на обыск и постановление о заключении под стражу Чо Мёнг Хи... Что ему до судьбы отдельно взятого корейского писателя? На его счету тысячи загубленных человеческих жизней. С присущими ему хитростью, коварством и подлостью, Люшков сфабриковал и быстро «разгромил» краевой повстанческий центр, который якобы готовил вооруженное восстание с целью организовать в крае корейскую автономию. Об этом можно узнать из приговора к расстрелу по делу первого секретаря Посьетского райкома партии Афанасия Кима от 25 мая 1938 года. По докладным Люшкова, свыше двух с половиной тысяч корейцев прошли по аналогичной формулке.

— В целях оправдания незаконной акции, — пишет в своем исследовании историк Герман Ким, — незадолго до ее начала на полную мощь заработала пропагандистская машина, нагнетавшая атмосферу шпиономании. Старт ей дали две статьи, опубликованные в самом главном печатном органе страны — «Правде» от 16 и 23 апреля о японском шпионаже на советском Дальнем Востоке. В них подчеркивалось, что японские шпионы орудуют в Корее, Ки-

тас, Маньчжурии и Советском Союзе, и что для шпионажа используются китайцы и корейцы, маскирующиеся под местных жителей.

Ярким свидетельством того, что дальневосточные власти, в первую очередь, карательные органы, развернули активную скрытую работу по осуществлению депортации, служит справка «О количестве корейского населения в пограничных районах Уссурийской, Приморской и Хабаровской областей» (уточненные данные), направленная в Москву командованием пограничных и внутренних войск НКВД ДВК, датированная 21 августа 1937 года, т. е. днем подписания Сталиным и Молотовым первого постановления о развертывании широкомасштабной акции. Приписка в скобках насчет уточненных данных дает повод для предположения, что это уже не первое подобное донесение, ведь эти данные требовались для предварительных расчетов финансовых и материальных затрат, необходимых транспортных средств, графика движения, времени перевозки и других вопросов.

Меморандум за № 516 от 24 августа 1937 года за подписью Ежова, адресованный Люшкову - первый документ, раскрывающий действия НКВД по реализации этих задач. Директива в адрес Хабаровского и Приморского обкомов, облисполкомов и УНКВД, подписанная секретарем крайкома партии Варейкисом и Люшковым, в основном продублировала содержание меморандума, однако содержала ряд дополнений по организации выселения корейцев. Во-первых, это касается сроков исполнения, в меморандуме сказано: «К выселению приступить немедленно и закончить к 1 января 1938 года», а директива эти сроки сокращала (чтобы быстрее отработать). При этом руководство по выселению корейского населения возлагалось на тройки в составе: уполномоченного крайкома, уполномоченного крайисполкома и уполномоченного УНКВД. По известному образцу были образованы районные и кустовые тройки по месту проживания корейцев. Низовые тройки несли всю ответственность исполнения операции, районные и областные регулярно проводили расширенные заседания, на которые приглашались руководители армейских, транспортных, финансовых, почтовых и других организаций. Однако среди них не было ни одного приглашенного представителя корейской национальности.

По плану депортации устанавливались три «очереди», причем первая очередь указывалась уже в упомянутом выше объединенном

постановлении: «Выселение начать с Посыетского района и прилегающих к Гродовскому районов». Вторую и третью очереди краевое руководство определило после принятия еще нескольких правительственных постановлений без упоминания о пограничных районах, с учетом критериев удаленности районов выселения от внешних границ и хронологией исполнения.

Соответственно установленным очередям, краевая и областные тройки на своих заседаниях разработали план-график погрузки эшелонов и их отправки. Они утвердили пункты сбора выселяемых, железнодорожные станции и разъезды отправления.

ПРОЩАЙ, ПРИМОРЬЕ...

Быстрее, гораздо быстрее, чем думали, попали они в один из этих эшелонов. У матери на руках трое — мал-мала меньше. Старшей дочери еще и полных пяти нет, на год младше ее братишка, а второй и вовсе грудной. Увидев товарный вагон, в котором их повезут за тысячи километров отсюда, пришли в ужас. Потому что до последнего момента надеялись, что пассажиров с малолетними детьми обеспечат купейными местами. Причем не так вот с ходу, а поближе к зиме, а может и весной, когда потеплеет. Так многие тогда думали. Потихоньку паковали теплые вещи, хотя в душе лелеяли еще надежду, что переселять будут не всех поголовно, а выборочно. Не могло быть так, чтобы всех без разбору, будто ничего лучшего они не заслужили...

Год назад брата Хван Мёнг Хи уже отправили в казахстанские степи. Но других ведь родственников не тронули. До ареста Чо Мёнг Хи согревало только одно — они вместе будут готовиться к отъезду, вместе поедут и как-нибудь переживут эту основательную встряску.

Но случилось худшее. Однажды ночью в дверь громко постучали. Готовые к любым неожиданностям в этом непредсказуемом хаосе социалистической действительности, люди в то время ничему такому уже не удивлялись. Хамство, бесцеремонность со стороны представителей власти — дело обычное. Возмутили лишь ничем не обоснованный обыск в доме и арест. «За что?!» — сколько раз этот крик души напрасно сотрясал воздух, будя и пугая перепуганных соседей...

Бесценнейшие бумаги, среди которых была и рукопись романа, ожидавшего последней правки, нашли и забрали те трос, что явились в дом 17 сентября 1937 года.

Перед уходом совершенно спокойный, одетый в выходной костюм, Чо Мён Хи сказал:

— Не тревожьтесь. Это недоразумение. Я скоро вернусь.

Это были последние слова, которые услышали от него самые родные ему люди. Глянув, как он тщательно приглаживает свои длинные черные пряди волос, отводя их с высокого, упрямого лба, жена разрыдалась. Почуяло верное сердце беду непоправимую, а вслед за ней разревелись и перспутанные дети. На следующий день ее, прибежавшую в тюрьму с передачкой и что-то лопотавшую на ломаном русском языке, охранники просто отогнали прочь. И потом так ни разу не допустили увидеться с мужем. А тут, не прошло и месяца со дня его ареста, настал и день переселения...

Поговаривали, что кому повезет, тот попадет на юг России, но большинство уже знало наверняка — их путь в Среднюю Азию и Казахстан. Но почему туда, в эти знойные пустыни и степи, где совершенно другой климат, другие люди? Другой язык и другие обычаи? Не было ответов на эти и другие многочисленные вопросы. А дело было в том, что осознавая приближение второй мировой войны, свою неподготовленность к ней, советское руководство принялось маневрировать между империалистическими соперниками, стремясь пойти на сближение как с гитлеровской Германией на Западе, так и с агрессивной Японией на Востоке. Последней, в качестве первой серьезной уступки, за бесценно были переданы права на КВЖД. Но этого мало, вот и взялись за изгнание корейцев из Приморья, где к тому же располагались их партизанские базы, откуда совершались рейды на японских оккупантов. То есть, говорили одно, а делали другое. Говорили, что лишают японцев шпионской сети, на деле же оказывали им очередную услугу. Мерзость подобного двурушничества усугублялась еще и тем, что выселяемые корейцы оставляли после себя множество жилых и хозяйственных построек, которые тут же передавались передислоцированным сюда в срочном порядке воинским частям Красной армии. Корейцев решили загнать как можно подальше, чтобы на огромных окраинных территориях раздробить, распылить их как компактно проживающую диаспору, заставить осваивать пустующие земли и тугайные заросли. Здесь требовалось очень много рабочей силы, потому что в годы коллективизации местные трудовые ресурсы были основательно подорваны. Историками подсчитано, что только в Казахстане прямые потери 1931-1933 годов от голода,

Правнуки Чо Мён Хи: Стас и Саша с матерью.

На 70-летию Чо Валентины Мёнхивны. Родственники и академик А.П.Каюмов с супругой.

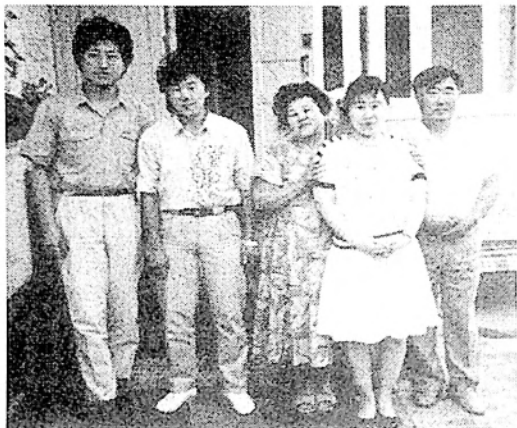

Хван Дон Мин (зав. корейским отделением института Востоковедения) и Цой Е.М. (преподаватель Восточного факультета МГУ) — члены комиссии по литературному наследию Чо Мёнги Хи, сыгравшие огромную роль в деле восстановления памяти поэта во второй половине 50-х годов (фото справа).

Валентина Мёнгишевна с супругом Тимофеем Макаровичем в 1952 году (фото слева).

60-летие В.М.Тё (в г.Москве, 1997 г).

Известный учёный, профессор Хельсинского университета Ко Сон Му в гостях у дочери писателя Ким Андрей, Валентина Мёнхисна — дочь писателя, Чо Сон Э — супруга Ко Сон Му, супруг дочери писателя — Тимофей Макарович.

Внук писателя Андрей и его жена Тамара.

эпидемий и других лишений составили 1 миллион 700 тысяч человек, еще свыше миллиона откочевали за пределы республики. А корейцы что — корейцам деваться некуда. Выживут, если смогут.

В литературе, в воспоминаниях об этом трагическом событии довольно детально рассказано про мучения людей, которых как скот везли за тысячи километров от насиженных мест. Для семьи Чо Мёнг Хи переезд был осложнен тем, что по дороге заболели дети. Поездное начальство распорядилось высадить их на ближайшей станции.

— *Это был Актюбинск, — вспоминает Валентина Мёнгхиевна. — Нас поместили в железнодорожную больницу. Врачи определили опасное инфекционное заболевание — корь. И, как знать, выжили бы мы, если бы не их заботливые руки. Жаль, не запомнила имя русской женщины, тоже жены репрессированного, которая, видимо, там была главным врачом. Она лично ухаживала за нами, часто сидела возле нас с мамой, и они обе иногда горько плакали. Нам повезло, что именно на этой станции попали в больницу. Позже я узнала, как много детей и стариков умерло в нашем поезде, который медленно тащился по заснеженным и метельным просторам Казахстана. Нас на зиму приютили местные жители, а когда немного потеплело, мы поехали дальше на юг и остановились у старшего брата мамы Чен Ира, поселившегося с семьей в селе Славянка Пахтааральского района. Но в его ветхом домике для нас не нашлось места... Встретив холодный прием, мама подхватила нас и пошла куда глаза глядят. Сильно обиделась на брата и до конца жизни не простила ему эту обиду. Начались скитания из дома в дом, из селения в селение, где чужие оказывались сердобольнее родственников, пока в войну не осели в колхозе с корейским названием, но с советским содержанием «КИМ» - «Коммунистический Интернационал Молодежи». На самом деле здесь ютились и вкалывали от зари до зари и стар, и млад, такие же как мы переселенцы, примерно 35 корейских семей. Мама по ночам шила, а утром уходила в поле. И все равно едва концы с концами сводила. Бывали дни, когда есть было абсолютно нечего, и тогда мама выходила на базар и обменивала оставшиеся вещички на рис. У меня на память о папе осталась лишь блестящая чайная ложка, которую он мне купил в Хабаровске.*

Меня тогда удивляло: как же так, люди, не покладая рук, трудятся в рисоводческом хозяйстве, а им на кашу не хватает... Ма-

ленькая еще была, не понимала, что зерно им оставляют лишь на семена да на месяц-другой на пропитание, а остальное забирал райзаготзернопункт.

А их соседей удивляла своей стойкостью и трудолюбием эта не по возрасту серьезная девчушка, которая сама убиралась в доме и готовила, нянчилась с младшим братиком. Не знали они, как вдруг повзрослела она в ту ночь 17 сентября, когда забирали отца. Улучив свободную минутку, Валентина убежала в поле, где на убранных рисовых чеках еще можно было найти оброненные колоски. Но однажды весной, когда колосков не осталось, весь колхоз ахнул, прослышав, как эта юная хозяйюшка ворвалась в кабинет председателя колхоза Тюгая и потребовала дать ей хоть немного зерна:

— А вам известно, что моя мама уже два дня ходит на вашу работу голодной?! Вы вот тут сидите себе, а она вкалывает с утра до вечера.

Тюгай Иван Васильевич гаркнул было на нее, чтоб убиралась подобру-поздорову, но глянув ей в глаза, вдруг осекся.

— Где я тебе возьму рис?

— На складе, он у вас такой большущий-пребольшущий.

— Да, есть. Но он не мой, а колхозный. Запомни это.

— Вот и хорошо. Он, значит, и мамин! Я правильно говорю?

Таким образом и получила Валентина первый наглядный урок политекономии социализма. Но от своего не отступилась:

— Так дадите пять кило?

На складе действительно было хоть шаром покати. В одном из мрачных углов была навалена куча пшеничной соломы. Взяла Валентина охапку и дома нашелушила-таки из нее горсть зерна, и приготовила ужин для матери.

Она и сегодня такая же — за что ни возьмется — не успокоится, пока не доведет начатое до конца. И, уже отходя в школу, сначала в семилетку за 4, а потом в десятилетку за 12 километров, и уже закончив институт и отработав свое в советских учреждениях, и уже выйдя на заслуженный отдых, не стала кроткой участницей торжественных собраний и почетных президиумов, купающейся в посмертной славе отца. Ее присутствие сразу замечают, и прежде всего потому, что сама она — волевая, сильная личность, и снискала уважение всей своей многотрудной жизнью, стойкостью и принципиальностью.

ПО ДОЛГУ ПАМЯТИ

Уходя из дома в последний раз, Чо Мёнг Хи был уверен, что вернется, и что впереди у него много времени для того, чтобы привести в порядок свои рукописи, приступить к работе над новыми произведениями. Он был полон сил и энергии, творческих задумок. И вдруг все рухнуло в одночасье... Не пришлось ему больше сесть за письменный стол.

Собрать, систематизировать, перевести, опубликовать и сохранить все, созданное писателем за долгие годы плодотворного труда — оказалось очень трудной задачей. Если бы еще семью не тронули, не погнали бы прочь за тридцать земель... Нет, люди оставляли неубранные поля, живность и домашний скот, в лихорадочной спешке стремясь прихватить с собой самое необходимое. В качестве подстегивающего кнута во второй декаде сентября 1937 года было принято решение бюро Хабаровского горкома партии, в котором указывалось: *«Отметить возможность попыток со стороны отдельных корейских семейств оттянуть отъезд под предлогом отсутствия кого-нибудь из членов семьи, желания выписать родственников из других районов. Предложить районным тройкам организовать отправку тех, кто имеется налицо, за исключением инфекционных больных... Работу по отбору паспортов полностью закончить 20 числа... Дело организовать таким образом, чтобы первые машины с людьми прибыли к месту отправки 24 сентября в 4 часа утра...»*

Репрессивная машина предусмотрела все, вплоть до отчисления учащихся из школ. Местные органы старались вовсю. Не ждали, пока переселяемые семьи соберутся в полном составе, выдворяли тех, кто был «налицо».

Жене Чо Мёнг Хи, оставшейся с тремя малолетними детьми на руках, самой было не до литературы. Но она мысленно поклялась, что обязательно поставит на ноги детей и даст им хорошее образование. Главной ее надеждой и опорой была конечно же старшая дочка, ее отчаянная и бесовитая Чо Сон А. Клятву свою Хван Мёнг Хи сдержала, несмотря ни на какие трудности. Живя впроголодь, семья выжила и сумела пробиться к свету знаний. Хотя до самой смерти «отца народов» ограничивались политические, гражданские и конституционные права спецпереселенцев. Загнанные в глухие тугаи, они работали от зари до зари, потом на их место

заступали дети, которых не призывали в армию, не принимали в высшие учебные заведения. Корейцам было запрещено передвижение даже в масштабах района — в справках, заменявших им отобранные паспорта, ставился уничижительный штамп о запрещении выезда из данной местности.

Чтобы быть ближе к литературе, Валентина Мёнghiевна, вырвавшись при хрущевском «потеплении» из корейского гетто в город, поступила в культпросветтехникум на отделение библиографии и библиотечного дела и, проработав несколько лет в институтской библиотеке, поступила в пединститут. Получив высшее образование, работая в республиканской научно-технической библиотеке, а позже в отделе научно-технической информации проектного института «Узгипроводхоз», она вместе с братьями Михаилом и Владимиром, которые к тому времени тоже получили высшее образование и стали инженерами-гидростроителями, и мужем Тимофеем Макаровичем составила целую программу по восстановлению доброго имени своего отца.

Благодаря настойчивости, неоднократному обращению во все инстанции и архивы, прежде всего удалось восстановить цепочку событий, последовавших за арестом Чо Мёнghi Хи.

Вот, в частности, копия уведомления, полученного из военной прокуратуры ДВО за подписью временно исполнявшего обязанности военного прокурора округа Малова, датированная 28\30 июля 1956 года:

«Гр-ке Хван М. И.

Сообщаю, что определением военного трибунала Дальневосточного военного округа (№4\787 от 20 июля 1956 г. дело в отношении Вашего мужа Чо Мёнghi Хи прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, т. е. он реабилитирован».

А вот что сообщил 14 мая 1991 года заместитель начальника Управления по Хабаровскому краю КГБ СССР А. Лавренцов:

— Уважаемая Валентина Мёнghiевна!

Ваш отец — Чо Мёнghi Хи, 1894 г.р., уроженец Кореи, кореец, гражданин СССР, беспартийный, по профессии писатель, работал инструктором краевого управления Союза писателей, проживал в г. Хабаровске, ул. Комсомольская, 52 а, был необоснованно арестован Управлением НКВД по Дальневосточному краю в г. Хабаровске 18 сентября 1937 года.

Основанием для ареста послужило анонимное письмо, поступившее в НКВД в отношении Чо Мёнghi Хи и еще 4 лиц, в

котором выдвигались обвинения в «шпионаже и японофильских настроениях».

В ходе следствия Чо Мёнг Хи был допрошен всего лишь два раза. На первом допросе 7 декабря 1937 года Вашему отцу следователем вменялось участие в «Иркутской фракционной группировке «Хваехва» и контрреволюционной шпионской деятельности». Чо Мёнг Хи эти обвинения не признал. Второй допрос был проведен 8 декабря 1937 года. Чо Мёнг Хи вменяли нелегальный переход границы и связь с ранее арестованными органами НКВД «врагами народа». На этом допросе он также не признал себя виновным.

Несмотря на это, 15 апреля 1938 года постановлением Тройки УНКВД по Дальневосточному краю Чо Мёнг Хи был приговорен к расстрелу.

11 мая 1938 года Чо Мёнг Хи был расстрелян в г. Хабаровске. Как нам удалось установить, лиц, расстрелянных в этот период, хоронили на ныне действующем городском кладбище. Таких братских могил несколько, в какой из них похоронен Чо Мен Хи, установить не представилось возможным.

В октябре 1989 г. общество «Мемориал» у места одного из захоронений установило памятный знак, а 24 октября 1990 г. в память жертв сталинских репрессий построена часовня.

20 июля 1956 года Военный трибунал Дальневосточного военного округа отменил постановление Тройки от 15 апреля в отношении Чо Мёнг Хи и прекратил дело в отношении него за отсутствием состава преступления.

Ваш отец реабилитирован.

Из архивного следственного дела можно сообщить некоторые сведения, представляющие семейную ценность.

До 1917 г. Чо Мёнг Хи учился в Сеульской гимназии, которую не закончил. В 1920- 1923 гг. учился в Восточном университете г. Токио.

В 1923 г. вернулся в Сеул, где стал профессиональным писателем.

С 1926 по 1928 гг. работал литературным редактором в журнале «Чосон Ди Тван».

В 1928 г. приезжает в СССР, где работает преподавателем корейского языка в г. Владивостоке (1929 г.), в Пуциловке (1929-1931 гг.), в г. Никольск-Уссурийске (1931-1934 гг.).

В августе 1934 года принят в члены Союза советских писателей, в октябре 1934 г. работал литературным редактором газеты «Авангард» г. Владивостока.

В автобиографии имеется копия рекомендации члена ВКП (б) Тен Ир Му следующего содержания: «Знаю т. Чо Мёнг Хи по совместной работе с 1928 года. Чо Мёнг Хи — известный корейский писатель, по своей практической работе проявил себя активным работником соцстроительства. Т. Чо имеет громадную возможность дать корейским пролетариям много хороших литературно-художественных произведений. Я рекомендую его издательству иностранных рабочих для работы у вас в качестве работника по отделу художественной литературы.

Подпись: Тен Ир Му. 10.03.35 г.»

Какой-либо другой информацией в отношении Вашего отца УКГБ по Хабаровскому краю не располагает.

Еще раз примите наше искреннее соболезнование и сочувствие.

Вот когда, в 1991 году, уже развалился Советский Союз и практически весь соцлагерь, лопнула вообще столь дискредитировавшая себя коммунистическая доктрина, полковник спецслужб, добросовестно отфильтровав информацию, ответил на один из многочисленных запросов. Выразив казенное соболезнование и сочувствие, он ни сам, ни от лица своей службы, как действующей, так и отошедшей в прошлое, не считал нужным принести извинения за ошибки своих коллег и ни словом не обмолвился насчет изъятых при обыске рукописей, записных книжек, дневников писателя. Но и на том спасибо. Ведь больше никто более или менее внятно не сообщил об аресте, необоснованных обвинениях, приговоре и месте захоронения Чо Мёнг Хи.

Кто по-настоящему тепло, с душевной теплотой откликнулся на обращения, так это писательская братия, работники библиотек и музеев, редакций и издательств. Все полученные документы Валентина Мёнгхисвна бережно хранит в своем архиве - постановления секретариата Союза писателей СССР о посмертном восстановлении в правах члена СП Чо Мёнг Хи, о создании по просьбе дочери писателя комиссии по его литературному наследию, письма из государственного литературного музея Министерства культуры России, переписку с сотрудниками телерадиовещания и газет, многочисленные публикации, передачи и т. д. Сохранились и записи, переданные в эфир в 1989-90 гг. отделом вещания на корейском языке Московского радио.

Послушаем часть одной из них:

— Чо Мёнг Хи (литературный псевдоним Пхёсок) в равной степени принадлежит и советской, и корейской литературе. До 1928

года он жил в Корее, где был широко известен как один из организаторов Корейской ассоциации пролетарских писателей, и как журналист, бесстрашно боровшийся против произвола японских властей. Его произведения пользовались большой популярностью в народе. Их зачитывали до дыр, пересказывали друг другу, поэтому нет ничего удивительного в том, что когда писатель, спасаясь от репрессий, эмигрировал в Советский Союз, его тепло встретила и корейская община Приморья, и местные писатели.

... Авторитет Чо Мёнг Хи среди коллег был очень высок, и его избрание на пост председателя корейской секции СП Дальнего Востока было событием закономерным.

... «Возвращение Чо Мёнг Хи» — так мы назвали нашу сегодняшнюю передачу, в которой хотим рассказать о том, что делается в нашей стране для того, чтобы возродить интерес к творчеству писателя, чтобы восстановить справедливость по отношению к человеку, лишённому жизни из-за ложного обвинения в предательстве. Большую роль в этом важном деле играет комиссия по изучению культурного наследия Чо Мёнг Хи, которая была создана в 1956 году сразу после посмертной реабилитации. Ее возглавил известный писатель Александр Чаковский. В комиссию вошли и ученый-историк Хван Дон Мин и литературовед Екатерина Цой, которые начали с того, что выписали из Кореи все материалы, касавшиеся жизни и творчества Чо Мёнг Хи до его приезда в Советский Союз. В течение нескольких лет ежедневно листали библиотечные подшивки, чтобы отобрать интересующие их публикации и произведения. Это был титанический труд. В 1959 году большую часть собранных материалов комиссия опубликовала в сборнике «Избранное Чо Мёнг Хи», который был выпущен на корейском языке издательством Московского государственного университета. Несколько позже некоторые из этих произведений вышли в переводе на русский язык в сборнике «Нактонган». В начале 60-х годов имя Чо Мёнг Хи впервые появилось в научной литературе — в книге «Восточная литература нового времени», где были приведены краткие сведения о его жизни и творчестве.

В 1984 году, к 90-летию со дня рождения писателя, газета «Ленин кичи», издающаяся в Алма-Ате на корейском языке, опубликовала некоторые неизвестные ранее произведения писателя, воспоминания о нем современников. И тогда редакция обратилась к читателям с призывом присылать любые материалы, связанные с именем Чо Мёнг Хи. Так началась работа по созданию его музея. Она увенчалась успехом.

О том, как создать мемориальный музей, подробно рассказала в своем письме Валентине Мёнгишевне директор московского государственного литературного музея Н. В. Шахалова. Она посоветовала начать с небольшой коллекции музейных предметов — фотографий, рисунков и рукописей, писем, личных вещей писателя. Собрать и систематизировать публикации на родном языке, зарубежные издания, иллюстрации к произведениям, изображения лиц, входящих в родственное, дружеское и творческое окружение Чо Мёнги Хи. Связаться с литературным отделом Хабаровского краеведческого музея, а также с государственным музеем литературы им. Алишера Навои в Ташкенте.

Так началась эта кропотливая работа, которая продолжается и по сей день. Экспозиция, посвященная жизни и творчеству Чо Мёнги Хи, была открыта 10 декабря 1988 года при содействии и активной поддержке со стороны директора Института рукописей при Академии наук Узбекистана Азиза Каюмова. Спустя три года на базе этой экспозиции в музее литературы имени Алишера Навои была создана мемориальная комната корейского писателя. И тут потребовались совместные усилия всей семьи — к делу подключились муж и братья Валентины Мёнгишевы. Огромную поддержку оказали академик А. Каюмов, профессор С. Хасанов, хоким Бектемирского района М. Юлдашев, поэт А. Файнберг и многие другие.

В октябре 1990 года с помощью первого в Узбекистане директора Центра образования Республики Корея Ан Дён Сика было создано литературное общество представителей старшего поколения корейской интеллигенции «Саранбан», куда вошли видные писатели, поэты, журналисты, художники, кинематографисты Узбекистана. И несмотря на то, что их средний возраст перевалил за 70, они полны энергии, активно занимаются приобщением молодежи к национальным культурным ценностям, традициям и обычаям. Некоторые из них побывали на родине Чо Мёнги Хи, где были тепло встречены самим губернатором провинции и представителями местной власти. В уездном театре для них устроили праздничное представление, а школьники пригласили на урок литературы, посвященный творчеству знаменитого земляка, которым все здесь гордятся.

В мемориальной комнате, где в числе экспонатов собрано несколько писем (одно из которых, от генерала Кан Сан Хо, мы цитировали выше), большой интерес представляет письмо, попав-

шее сюда через московскую комиссию по литературному наследию Чо Мёнг Хи, из города Ижевска от Кан Тай Су:

— Я был очень тронут, прочитав ваше объявление о сборе литературного наследия Чо Мёнг Хи. Месяца два тому назад я случайно узнал адрес старого знакомого в Казахстане и попросил сообщить мне, что ему известно о местонахождении семьи Чо Мёнг Хи. Теперь мне ясна ее горестная судьба.

Передо мной снова встают летние дни 1937 года, мужественный облик человека, чьи волосы чуть тронуты сединой, патриота, автора поэмы «Растоптанная Корея». Я с ним часто и подолгу сидел на берегу Амура, в тенистом саду, в правлении Союза писателей, на его квартире. В беседах он часто горячился, искренне переживая за то, как трудно живется корейцам на родине, как трудно там писать при свете копилки из рыбьего жира... Он очень скучал по своим друзьям и коллегам, особенно по Ли Ги Ену.

Говорили о русских писателях, а также писателях Запада, Китая и Японии. Чо Мёнг Хи сожалел, что слабо еще знает русский язык.

Однажды он мне сказал о том, что в его голове будто великан какой-то начал бродить, видимо, имел в виду замысел героического эпоса.

В августе 1937 года, когда я собирался съездить во Владивосток, прощаясь, он долго-долго не отпускал мою руку и молча смотрел на меня грустным взглядом. Мне тоже было как-то тревожно. Но мы не знали тогда, что это была последняя наша встреча.

Уже во Владивостоке меня настигла весть о том, что его арестовали.

Что мне известно о его творчестве? Я знаю, что приехав в Приморье, Чо Мёнг Хи написал роман «Под красным знаменем». Но ему не удалось напечатать его из-за цинтриг подлых людей. Только переписанная тетрадь переходила из рук в руки. Однажды я нашел такую уже потрепанную тетрадь и показал автору. Тот усмехнулся и сказал, что не только листки потрепали, но и текст тоже.

А поэма «Растоптанная Корея» была опубликована в газете «Авангард». Некоторые другие его вещи были напечатаны в литературном альманахе №2, но он почему-то не был выпущен в свет. Еще я дома у него читал стихи, например, «Песню об Амуре», «Скоро взойдет солнце над Кореей» и др.

Из бесед с ним я видел, что он очень критично относился к своей ранней поэзии с налетом декадентства.

Жаль, что я не сохранил его письма ко мне.

Товарищи, если это возможно, хоть кратко сообщите мне о ходе вашей работы. Очень желаю вам успехов.

Кан Тай Су.

2.3. 1957 г.

Удм. АССР, г. Ижевск.

К сожалению, это одно из немногих писем, сохранившихся от современника, ученика и близкого друга Чо Мёнг Хи. Но оно озарено живым светом сопричастности, ценно не столько содержащейся в ней информацией, сколько передачей атмосферы, в которой жили и работали люди того времени — атмосферы тревоги, ожидания расставания...

Кан Тай Су тоже был репрессирован в 1937 году, но ему «повезло» — через четырнадцать лет выпустили на свободу, как человека, ни в чём не повинного...

В мемориальной комнате ежегодно отмечаются памятные даты из жизни Чо Мёнг Хи, проводятся традиционные встречи деятелей литературы и искусства, организуемые обществом «Саранбан» при содействии посольства и Центра образования Республики Корея в Узбекистане. Здесь на корейском, узбекском и русском языках звучат стихи и песни, обсуждаются новые творческие проекты.

Вот что писала по этому поводу в ноябре 1997 года газета Кабинета Министров Республики Узбекистан «Правда Востока» в статье «Давай посвятим этот день Чо Мёнг Хи»:

Пусть не сочтут нескромностью, если вспомню публикацию в нашей газете конца 80-х. Она завершилась фразой: «Вовремя возвращается учитель Чо Мёнг Хи». Тогда в музее имени Алишера Навои открывался стенд корейской литературы, и мы впервые услышали это имя. Чо Мёнг Хи — поэт, драматург, критик, общественный деятель, разделивший трагическую судьбу не только своего народа, но и людей многих национальностей, репрессированных в страшные 30-е.

Немногие из собравшихся знали его произведения. Несколько стихотворений, всего несколько, прозвучавших на корейском, поразили своей необычной музыкальностью.

И мне представилось тогда, что обращение к творчеству поэта сыграет особую роль в возрождении культурных ценностей живущих в Узбекистане корейцев...

И вправду — все эти годы Чо Мёнг Хи был рядом с ними. Отразивший в своей судьбе судьбы многих корейских семей, он помогал им восстанавливать связи между прошлым и настоящим, заполнять десятилетия, затемненные молчанием. Вместе с корейским поэтом они вновь, через 60 лет, проходили дорогой, политой слезами, проникали сквозь стены тюрем, чтобы узнать трагические подробности происходившего, задумывались о пороках человеческих — злобе, зависти, предательстве, помогавших государственной машине расправиться с талантами...

Это он — Чо Мёнг Хи вновь соединил родственников, оказавшихся в разных странах, увлек своей поэтической музой внука, да только ли его? На чествовании поэта в том же музее, где открывался когда-то его стенд, а теперь функционирует мемориальная комната, звучит не несколько — море стихов. Их читают студенты Ташкентского педагогического института, молодые люди разных национальностей — поэзия Чо Мёнг Хи помогает им понять красоту и своеобразную образность корейской речи.

... И вновь повторяю, уже осовременив ту фразу: «Как вовремя он вернулся, учитель Чо».

Именно из мемориальной комнаты волна посмертной славы Чо Мёнг Хи докатилась до родины. Очень долгое время соотечественники писателя были в полном неведении о его судьбе. Для них он просто пропал без вести в необозримых просторах Сибири. Даже лучший друг и соратник Ли Ги Ен, несмотря на все старания, поездку в Советский Союз в 1946 году, не смог узнать правды. И только после посещения мемориальной комнаты известным корееведом, профессором Хельсинкского университета Ко Сонг Му, тайна раскрылась. Собрав необходимые сведения, он срочно отправился в Сеул и обнаружил их. Плюс 62 документа, среди которых — подлый донос, послуживший основанием для ареста Чо Мёнг Хи, два свидетельства о его смерти — ложное и истинное, газетные и журнальные публикации, ставшие достоянием Государственного музейного комплекса национальной независимости Республики Корея и позволившие приравнять имя Чо Мёнг Хи к именам других национальных героев. Документы привезли сюда Валентина Мёнгхисвна и член-корреспондент Академии наук Узбекистана Азиз Каюмов.

Благодаря этому вскоре на родине писателя было создано литературное общество Чо Мёнг Хи, а в деревне Пёгамни заложен

мемориальный камень, а совсем недавно — при въезде в нее, на средства благодарных земляков, открыт памятник. С тех пор в Ташкенте, где одна из улиц на массиве «Водник» к столетию Чо Мёнги Хи была названа его именем, все чаще стали навешиваться его земляки — видные литераторы, ученые, публицисты.

НАСЛЕДИЕ И НАСЛЕДНИКИ

Несколько лет назад профессор Ко Сонг Му погиб в случайной автокатастрофе. Низко склоняя перед ним голову, поблагодарим его за все, что он успел сделать для увековечения памяти Чо Мёнги Хи, для того, чтобы о нем узнали не только на родине, но и всюду в мире, где проживают корейцы. Поблагодарим за сердечные слова:

«Не знаю, где покоятся останки Чо Мёнги Хи. Одно знаю твердо: все корейцы помнят о нем...»

Ярким событием стала премьера документального фильма «Чо Сон А» («Дочь Корей»). Кинокамера южнокорейской студии SBS запечатлела волнующие мгновения встречи родственников и земляков Чо Мёнги Хи в Ташкенте, поездки в Хабаровск, посещения Дома писателей, тюрьмы и кладбища, где под памятным знаком они положили плиту из черного габбро. Съёмки были продолжены в Пуциловке, где еще сохранилось здание школы, в которой преподавал Чо Мёнги Хи, а затем в Южной Корее. Дом семьи Чо, к сожалению, не сохранился, но на его месте теперь осталась горсточка земли, которую привезли с собой из Хабаровска благодарные потомки. Здесь же происходит трогательная сцена их встречи — тех, кто остался на родине, и тех, кто оказался далеко за ее пределами...

В 1994 году популярнейшая в Южной Корее компания KBS сняла еще один двухчастевый документальный фильм, посвященный на этот раз внуку Чо Мёнги Хи, под названием «Литературный дневник Ким Андрея». В том же году на экраны страны вышел многосерийный художественный фильм о советских корейцах с участием звезды южнокорейского кинематографа Мун Сон Гына в роли Чо Мёнги Хи.

И очень хорошо, что теперь копилку архивных и музейных свидетельств жизни и творчества писателя пополнили и эти кинокадры. Потому что год от года все меньше остается людей, знавших

его лично, слабест память тех, кто еще остался в живых и успел поделиться имеющимися данными с представителями подрастающего поколения. Уже умерли дети и их мать, которые оставались в Корее. Умерли и братья. Дети остались лишь от одного из них — Тхе Хи. И только по этой ветви — от старшего сына Тхе Хи — Чо Чун Хёпа — просветительскую миссию Чо Мёнг Хи продолжают сейчас внуки Сон Хо, Чхоль Хо и Кван Хо. Будучи сыновьями директора школы, они получили прекрасное образование и стали видными людьми в родной провинции Северная Чхунхон. Старший возглавляет местное отделение писательской ассоциации, второй — руководит газетой «Тонг янг ильбо», третий — директор издательства «Твимок». Можно сказать, что вся литература и публицистика региона находятся в их руках. Но непосредственно по стопам своего именитого дяди пошел лишь младший сын Тхе Хи, который в свое время пересбродился в Северную Корею и стал там известным писателем под псевдонимом Чо Пёг Ам. Это был любимчик Чо Мёнг Хи, может, потому и судьбы у них в чем-то похожи. Чо Пёг Ам пропал без вести, но есть основания полагать, что не без ведома просталинского тоталитарного режима...

Был репрессирован и тоже пропал без вести, но за чертой Кореи, еще один из родственников Чо Мёнг Хи — преподаватель химии и биологии Владивостокского корейского педагогического института Ким Гык Се — отец будущего супруга Валентины Мёнгхивны. Скорее всего, как и многие представители корейской интеллигенции той поры, он был расстрелян. Так что вскоре после полусиротского детства, Ким Тимофей в полной мере хлебнул дополнительных прелестей сталинского социализма: в 41-м его мобилизовали в трудармию, на лесоповал в Коми АССР. По сути, попал в тюрьму, где и обращение, и условия труда и быта ничем не отличались от лагерных. И конечно же, именно здесь Тимофей подорвал свое здоровье, хотя никогда не жаловался, стойко переносил все тяготы неустроенности. После четырех лет сплошной каторги он поступает в Ташкентский машиностроительный техникум, более или менее устраивается в жизни, женится, работает и повышает свою квалификацию. Но решением пленума ЦК партии в сентябре 1953 года попадает в число так называемых «30-тысячников», которых бросают на подъем сельского хозяйства. Так Валентина Мёнгхивна с мужем оказываются в Хорезме, где Тимофею Макаровичу пришлось

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЧО МЭНГ ХИ ЕГО ЗЕМЛЯКАМИ

안드레이-

춤 늦긴 뱀이나 포석에 편린한 2권의 시를 보내네.

아무르 강에서

조 철 호

아무르 강이 비를 맞고 있다
구만리 장천 떠돌던 본땀들과
눈물 마른 새들만 무리지어 석양을 비껴 가고

전쪽이며 왼쪽이며 원종일 죽새를 들이도
깊은 물나지 않았다

하바포프스크-

아무르강도 맑게 인간을 버리던 곳
인제나 축축한 이 도시 한 편에
조선 시내들의 연승 따라
아무르 강이 비를 맞고 있다
혁명기의 아내처럼
맨 살로 비를 맞고 있다

누구를 기다리는가

유연도 없이 온당한 쓸쓸한 주검도
5월이면 불꽃 하나 피우려는데
시베리아 설한강만 강가를 시성일뿐
아무도 찾아오지 않을 것을 강물은 알아
아무르 강-

오늘도 워 삼아 비를 맞고 있다

1992년 5월 23일을 적시고 있다.

*조 철호 시인은 한국 송석 청수시에 살고 있으며 포석 선생의 둘째 형님인 경희씨의 손자임. 제주도에서 통일
일보를 창간에 사장으로 있으며 매년 개최하고 있는 전선의 '포석 조맹희문학제'와 중국 연변의 '조맹희 문학
제'를 실천적으로 관장하고 있음. 원간문학을 통해 등단했으며 시집 '살아 있음면으로'가 있음.

포석의 그 얼굴

한 명 호

편한 그 얼굴이 보고 싶다.
성난 그 얼굴도 보고 싶다.
아직까지 한 번도 보지 못한 당신의 그 얼굴이 보고 싶다.

어둠이 심어

피륙고 쓰러진 목마름의 세월이 심어

현사고

말씀에 말씀을 시도했던 당신
및쳐 어둠 속을 넘나들던 그 얼굴이 보고 싶다.
그 목소리도 한 번 들어보고 싶다.

항수를 달래며

사랑을 달래며

모든 것

그향 땅에 묻어둔 채

이 민족의 생존권을 위해

자유와 평화

정의와 진실을 갈구하던 그 얼굴이 보고 싶다.

일제 강점하의 참담했던 시대

민족주의적 극작가로

현실 비판적인 시인으로

리얼리스트 소설가로 활동했던

그 얼굴이 보고 싶다.

나는 오늘 아침

나동강 강대밭을 거닐다가

지난 여름엔

당신의 거리

플리리보스토크, 북성촌, 우쓰리스크, 하바로프스크의 거리를 거닐다가

그러본 당신의 얼굴

아, 그 얼굴이 보고 싶다.

우리의 조국 에

우리의 민족 혼

이젠

그로록 바라고 바라던 봄 날이 찾아와

동토의 땅도 녹아버린지 오랜 세월

죄가 있다면

나라 사랑 죄밖에 없다는데

KGB

군복차림의 세 사람의 얼굴이 왜 이 자리에 이르기리는가

우리들의 시경

<깃 뽑힌 고려>를 노래하면서

뜻다 이야기 하고 간 <붉은 깃발아래><봄 잔디밭 위에>

<봄 나라 꿈나라>를 꿈꾸어 보면서

양심울 삼아

과질과 탄식 속에 고뇌하고 괴로워했던 당신

그 얼굴도 한 번 보고 싶다.

1894년에서

1938년까지

너무나도 짧은 44년의 생애

그리나 당신은

이 땅에 남있는 딱딱한 브들레따리아 작가

그리하여 글새들이 때때이 날아오르는

아쁘르 강가론 오르내리면서 죽지 않고 살아남아

또 다시

어떤 달숨을 시도하고 있는가

달숨, 달숨, 달숨을 시도하리는가

그 얼굴 다시 한 번 보고 싶다.

마주 대하고 싶다.

*한병호 시인은 한국 문학 청주시에 살고 있으며 영동교육장을 겸으로 교육계에서 정년퇴임했음. 조천호 시인 등과 함께 문학평론을 힘써하고 있으며 포서문학계에 '보석의 그 얼굴'을 연사로 날동하고 있음. 현대문학을 통해 중단했으며 시집으로 '기침소리'등 다수.

Памятник Чо Мён Хи, установленный творческой общественностью и редакцией газеты «Тонг Янг Ильбо» 20 октября 2003 года в деревне Пёгам-ри уезда Чинчхон провинции Чунчхон Пукто на месте рождения поэта.

быть сначала инженером по хлопкоуборочным машинам в Гурленской МТС, а затем завмастерским.

Когда Чо Мёнг Хи реабилитировали, его жена приехала в Гурлен и сообщила «десантникам», что теперь всей их семье позволено самой выбрать место жительства и работы. Вот только когда можно было перевести дух и начать жить по-человечески — в 1958 году. Решили пустить корни в Ташкенте. Тимофей Макарович устраивается на завод «Узхлопкомаш», затем на завод металлоконструкций, и как хороший специалист прошел здесь путь от сменного мастера до директора. В годы освоения Голодной степи он принял решение перебраться в целинный городок Гагарин, где ему предложили возглавить комбинат строительных материалов. Здесь прошло целых 22 года жизни его семьи, на протяжении которых супруги познали и радость воспитания троих детей, и горечь утраты двоих из них. В 1990 году Тимофей Макарович скончался от инсульта, оставив после себя единственного наследника — Андрея.

Андрей родился в год смерти своей сестры Таисии — в 1965-м. И, пожалуй, именно он стал истинным наследником и своего отца, и своего деда. От Тимофея Макаровича он унаследовал склонность к технике, а от Чо Мёнг Хи — тягу к поэзии, к красоте родного языка. От обоих — доброту и отзывчивость, трудолюбие и принципиальность. Благодаря такому сочетанию качеств Андрей совершает довольно сложные виражи — сначала поступает в Ташкентский политехнический институт, учится по вечерам до третьего курса, работает инженером, собирается стать программистом, потом вдруг все это бросает и поступает в пединститут на отделение корейского языка и литературы. Произошло это вскоре после того, как Андрей побывал в Хабаровске, где прошли последние годы жизни Чо Мёнг Хи. Ходил по улицам этого дальневосточного города, видел писательский дом и городскую тюрьму, представлял себе, как из нее почти полвека тому назад выводили на казнь ни в чем не повинного деда...

— Чем больше я вникал в его жизнь, — вспоминает Андрей, — тем больше во мне зрело желание основательно изучить язык, на котором он создавал свои произведения, думать на этом языке. Ведь до чего дошло — моя мама и ее братья, отлично освоив русский и узбекский, не овладели родным языком... А чтобы осуществить это стремление, размышляя я, надо ехать на историческую родину, окупнуться в ее среде. Там жили наши родственни-

ки — мамина сводная сестра Чуи Сук, ее дети. Они впоследствии мне во многом помогли.

В 1991 году, будучи студентом второго курса Ташкентского пединститута, я впервые посетил Республику Корея. Съездить туда довелось еще дважды, прежде чем удалось поступить в университет Совон. Не обошлось без бюрократических проволочек — ведь в то время связи на государственном уровне между Узбекистаном, только обретшим независимость, и Республикой Корея еще не были налажены.

Так Андрей Ким стал одним из первых корейцев бывшего Союза, получивших высшее филологическое образование в Республике Корея. Окончив университет в городе Ченчжу, что в родной провинции Чо Мёнг Хи, он стал бакалавром, преподавателем на факультете, на котором сам учился в Ташкенте. Оказавшись в совершенно новой для себя среде, Андрей сразу же наметил для себя главное, на будущее — насколько несовершенной еще была система и методика обучения в пединституте. Развивая эту мысль, он в последующие годы учебы и работы в течение шести лет, разработал важные направления перестройки учебно-воспитательного процесса. Однако не всем в институте это понравилось, Андрей Тимофеевич, как человек принципиальный и бескомпромиссный, хлопнул дверью. Произошел еще один вираж, и, верояно, не последний — вернулся к технике, к строительным материалам — словно бы вновь по стопам своего отца. Хотя сам признается: «Еще не вечер. Сейчас, работая с южнокорейскими предпринимателями, ставшими серьезными инвесторами в экономику Узбекистана и всей Центральной Азии, хочу добиться личной независимости.

— Что для этого надо?

Смеется:

— Стать миллионером.

Что касается литературной стороны натуры Андрея Кима, то и она не в полном загоне. Крепко засели в памяти встречи с творческими личностями в Ченчжу, где действует литературное общество «Пхёсок», объединяющее поклонников творчества Чо Мёнг Хи, литературные конкурсы среди школьников в деревне Пёгамни, на которых сотни детей сочиняют стихи на заданные темы... И в том, что это действительно так, убеждают стихи, написанные самим Андреем, например, вот это:

*Ярко-желтый сентябрь, от ветров опьяневший,
Прилетел, разбросал в летних парках росу.
Что же радуют сердце все слабее и реже
Твои строчки признаний на кленовом листу?*

*Я в глазах твоих вижу, что мы стали не те,
А ведь были весною честней и любимей.
Видно, оба сгорели мы от зноя страстей,
И все ждем того дня, когда выпадет иней.*

*Все не можем расстаться этой осенью ранней,
Ни к чему ворошить в старых листьях апрель.
Мы в весну не вернемся, мы себя не обманем,
Вот и нас, словно листья, скоро вскружит метель.*

Разве не прослушиваются тут интонации Чо Мёнг Хи, его лирико-философские мотивы?!

А вот в этих теоретических наработках — разве не ощущается его просветительский натиск?! Правда, в совершенно других условиях, в совершенно другой проблематике:

С обретением независимости Республикой Узбекистан наиболее остро встают вопросы обширного использования рыночных механизмов, полномасштабного привлечения иностранных инвестиций в становление и развитие новых структур в народном хозяйстве, использования передового опыта ведущих мировых держав, а также разработка правовых институтов, повышающих социальную защищенность населения.

Быстрое и динамичное развитие дружественных связей между Республикой Узбекистан и Республикой Корея во всех областях экономики и культуры, проживание в стране многочисленной корейской диаспоры позволили стать Республике Корея одним из важнейших стратегических инвесторов в экономику молодого независимого государства. Довольно интенсивно идет освоение южнокорейских инвестиций на всем остальном постсоветском пространстве. Кроме того, большое значение могут сыграть объединительные процессы, происходящие на Корейском полуострове, в случае участия в них Узбекистана через корейскую диаспору, что отмечалось на международном форуме по мирному и демократическому объединению Кореи, Минджу Пхёнхва Тхонниль Чамун Хвэйи в Сеуле в 1999 году. Вместе с тем возника-

ет острая необходимость в подготовке квалифицированных кадров, владеющих корейским языком: учителей средних учебных заведений, профессорско-преподавательского состава вузов, переводчиков-менеджеров и т. д. В связи с этим можно констатировать тот факт, что проблемы корейской филологии, так же, как и развитие корееведения в целом, являются одним из наиболее насущных и острых вопросов в филологии не только Узбекистана, но и всех остальных государств, входивших ранее в состав Советского Союза.

Таким образом, возникает необходимость в выделении наиболее приоритетных направлений среди проблем корейской филологии, определении задач и перспектив их разработки в Узбекистане. Такими направлениями в силу вышеизложенных причин являются: языкознание и литературоведение, теория и практика перевода, методика преподавания корейского языка, проблемы создания научно-методической и лексикографической базы, проблемы билингвизма.

Необходимо в кратчайшие сроки провести исследования в фонетике, морфологии, по синтаксису, лексикологии современного корейского языка.

Существенное значение приобретает и разработка проблем диалектологии корейского языка, особенно изучение диалекта провинции Северная Хамгёндо, на котором разговаривает самое старшее поколение корейцев, проживающих в Узбекистане. Помимо этого, особую озабоченность вызывают проблемы сбора материалов устного народного творчества, которые бесследно исчезают вместе с носителями, владеющими диалектными формами языка. Сохранение легенд, сказаний, пословиц, поговорок и т. п. является, пожалуй, одной из важнейших задач для студентов отделений корейского языка.

Помимо вышеизложенного достаточно большое значение имеют исследования корейской литературы, особенно современной, так как современная корейская литература играет довольно заметную роль в мировом контексте. Здесь также заслуживает внимания проблема литературного творчества корейцев на постсоветском пространстве. Кроме того, требуют дальнейшей разработки проблемы современной корейской драматургии.

Среди важнейших проблем корейской филологии теория и практика перевода с корейского языка на русский и узбекский, а также с русского и узбекского на корейский занимает одно из центральных мест. Теория перевода является той областью прикладного языкознания, которая органично связана со всеми задачами филологии.

Разработка проблем перевода выполняет важную роль в решении методических проблем преподавания корейского языка и формирования научно-теоретической и научно-методической базы кореведения в целом. Кроме того, полномасштабные исследования в области перевода наиболее полно отвечают на социальный заказ, предъявляемый обществом и приносят ощутимые результаты.

В проблемах теории и практики перевода основополагающими являются поиск оптимальных для частной теории семантико-семиотических концепций перевода, проблемы лексических трансформаций, перевод безэквивалентной лексики и фразеологизмов, а также методика преподавания перевода, перевод в методике преподавания корейского языка.

Среди проблем, которые подлежат разработке на следующем этапе, можно выделить технический перевод, перевод деловой и профессиональной лексики, перевод художественной литературы, синхронный перевод.

Среди комплексных проблем корейской филологии в Узбекистане проблемы создания научно-методической и лексикографической баз являются одними из самых важных и основополагающих. В связи с почти полным отсутствием адаптированных к местным условиям учебных пособий, разработанных учебников по отдельным дисциплинам филологии, аудио-визуальных методических пособий, различных типов разговорников, словарей, эффективность учебного процесса остается на низком уровне. Также оставляет желать лучшего материально-техническое обеспечение отделений корейского языка.

Таким образом, в создании научно-методической, материально-технической и лексикографической баз можно выделить следующие приоритетные проблемы: разработка учебных пособий по всем теоретическим и практическим дисциплинам корейской филологии, разработка различных типов словарей и разговорников, проблема оснащения отделений корейского языка современными техническими средствами обучения, проблема обмена ведущими преподавателями и научно-методическими пособиями с университетами Республики Корея. На следующем этапе можно считать важнейшими такие проблемы, как создание компьютерных сетей и современных телекоммуникаций для обмена научно-методической литературой, регулярная организация научных симпозиумов и семинаров, научно-практических и научно-теоретических конференций.

Их дочь Тансия
(умерла в 1992 г.).

Правнуки: Олег, Андрей и
Наташа.

Среди проблем, подлежащих первоочередной разработке билингвизма, можно выделить следующие: проведение регулярных социолингвистических исследований, создание специализированных средних школ с углубленным изучением корейского языка и лицеев с преподаванием ряда предметов на корейском языке.

Звучит актуально и по существу. И заметьте, сколько раз встречается в приведенном отрывке из статьи Ким Андрея «Проблем корейской филологии в Узбекистане», опубликованной в журнале Центральноазиатской ассоциации корсведения «Korean studies» 2001 году, слово «проблема». Немало потребуются усилий и средств, чтобы их решить. Ким Андрей, внук Чо Мёнги Хи, готовится к этому, как к реализации своего жизненного кредо. Пока же он вместе с женой Тамарой, которая по специальности врач, работает старшим менеджером компании «Keumkang art fence co. ltd».

И Валентине Мёнгиевне скучать особенно не приходится - то общественные дела, то внуки да внучатые племянники налестят веселой стайкой. Кто из них подхватит эстафету литературного творчества Чо Мёнги Хи - покажет время.

ЗАВЕЩАНИЕ ЧО МЁНГ ХИ

Чо Мёнг Хи знал, что борьба за освобождение и устройство справедливой жизни на корейской земле будет тяжелой и долгой. Но он был убежден в неминувости грядущей победы и с оптимизмом смотрел в будущее. Конечно, читателям наших дней нелегко изведать в полной мере тот священный восторг, в который приводили зажигательные строки Чо Мёнг Хи его современников и передавались ими из рук в руки. Эта эпоха первой попытки построения бесклассового общества, основанного на братстве и равенстве людей, ушла в далекое прошлое. Утрачен ее главный исторический пафос — вера в справедливое распределение жизненных благ. Как показал «эксперимент», ни в одной стране социалистического лагеря так и не достигли воплощения тех идеалов, за которые долго и упорно ратовали марксисты-ленинцы. И дело, как выяснилось, не в личностях, возглавлявших общую «кормушку», а в самой природе человеческого общежития при социализме, в котором, при всех вариантах, возникает культ божественного вождя и его команды, выстраивается порочная система раздачи или изъятия ценностей и услуг. В итоге — тупик, выход из которого сейчас лихорадочно ищут все без исключения страны бывшего соцлагеря. Многие ориентируются на капиталистическую модель США или ее версии «с учетом национальных особенностей», на шведский «социализм без социалистов». Лишь две страны — Куба и КНДР, оставаясь на прежних позициях, продолжают идти избранным путем, корректируя его осторожным внедрением элементов рыночных отношений. И еще вопрос, чья возьмет, потому что диалектическое переплетение позитивного и негативного наблюдается в каждом, без исключения, государстве, какой бы ориентации оно ни придерживалось.

Но литературное наследие Чо Мёнг Хи, как и всякого выдающегося художника, принадлежит не только прошлому, но и настоящему и будущему. Оно открыто для них. Открыто в двух важнейших качествах — как ценность историческая и как ценность заложенного заряда оптимизма в сегодняшней борьбе за идеалы социально-справедливой жизни.

Нет, как такового завещания, в смысле официального, нотариально заверенного изложения своей последней воли, Чо Мёнг Хи не оставлял. Ни к чему оно было в его возрасте. Но уезжая из

Корси, он написал два рассказа, которые с полным основанием можно расценивать как его напутствие своим соотечественникам, как завещание литератора и гражданина.

«Нактонган» — один из последних рассказов, написанных Чо Мёнг Хи до эмиграции. Предчувствуя скорую разлуку с родиной, он посвящает ей шемящие душу строки :

Растянувшись на семьсот ли, несет свои буйные воды река Нактонган. По обеим берегам ее, словно шашечные клетки, раскинулись поля. В широких долинах там и сям разбросаны поселения. Река тысячелетиями текла здесь, и люди жили на ее берегах также тысячами. Неужели мне уготована печальная участь расстаться с этой рекой, навсегда распрощаться с друзьями?»

Именно с этих слов, изложенных в стиле сиджо, начинается этот рассказ, который некоторые исследователи творчества писателя склонны причислять к жанру повести и даже романа. Безусловно, в их подходе есть своя логика — в «Нактонгане» действие сжато до предела, мощными, крупными мазками вырисованы образы героев, передана накаленная атмосфера Кореи, взбудораженной и вдохновленной эхом Первомартовского восстания. В результате небольшое по объему произведение получилось столь емким, ярким и во многом пророческим. Вот почему оно и сегодня не утратило своего глубокого воздействия на умы и сердца читателей, и вошло в золотой фонд корейской литературы, стало своего рода водоразделом между ее прошлым и будущим.

Река Нактонган была для Чо Мёнг Хи живым олицетворением родины, с которой он теперь мысленно прощался:

«Не забуду тебя никогда, мать-кормилица нашей земли. Ты все так же течешь сквозь года и теряешься так же в дали».

Вот и главный герой рассказа «Нактонган» Пак Сон Ун на берегу реки ожидает прибытия парома. Он долго сидел в тюрьме без суда и следствия, тяжело заболел и власти нашли возможным выдать его на поруки. Собравшиеся вокруг земляки сочувственно смотрят на него, неподвижно сидящего в коляске рикши, с возмущением говорят о том, как искалечили такого здорового, некогда цветущего юношу. Но дух его не сломлен! когда кто-то предлагает перенести его на паром прямо с коляской, Пак гордо отказывается. И, пресвозмогая боль, с помощью друзей медленно поднимается на борт. Напротив, как может, он старается взбодрить; воодушевить других, для чего предлагает спеть любимую в народе песню: В каж-

дом его слова, жесте, поступке угадывается незаурядная личность.

Заслуга Чо Мёнги Хи здесь заключается в том, что этим образом потомственного рыбака он отразил появление в среде простого народа истинного борца, лидера, готового вести за собой, начать организованную борьбу с врагом.

Пак, как «изношенную обувь» отбросил в сторону все дела, когда вспыхнуло Первоапрельское восстание. Вернувшись из тюрьмы через полтора года, он узнает, что мать умерла, а отец, оставшись без крова, вынужден был перескочить к дочери. Позже семья, как и многие другие беженцы, покидает родные края. Но и на чужбине их ожидали та же нищета, голод, произвол властей. Так и не увидев больше просвета в жизни, отец Пак Сон Уна умирает. И тогда тот отправляется в Маньчжурию, оказывается то в одном, то в другом конце Китая, то в России. Постепенно закаляется его характер, вырабатываются навыки лидера освободительной борьбы. С замиранием сердца читаем мы строки, посвященные возвращению героя из дальних странствий:

Сон Ун, как ребенок, подбежал к дереву, обхватил ствол и припал к нему щекой. Ему было радостно и грустно от встречи с деревом, которое осталось одиноко стоять посреди разоренного двора. Как клубок ниток стали разматываться воспоминания о прожитых здесь днях. Вспомнилось, как в детстве он бегал вокруг дерева, лазил по его ветвям, чтобы поймать цикаду, и как ему за это доставалось от деда. Как он нетерпеливо дожидался своей очереди, когда молодежь деревни, устроив качели на ветвях, резвилась у их дома. Как они с соседской девчонкой по имени Сун И играли под этим деревом в жениха и невесту, как плакали под ним ночью накануне отъезда девушки, проданную за долги в Пхеньян...

Отчий дом, цикада, дерево, первая любовь — были у каждого из нас. И эти дорогие образы сохраняются в памяти навсегда, они согревают нас в течение всей жизни, поддерживая и вдохновляя. Куда бы ни забросила нас судьба, они — как искорки праздничного фейерверка — вспыхивают время от времени в нашем сознании и возвращают нас домой... Революционной поэмой в прозе назван одним из литературоведов рассказ «Нактонган». И с этим нельзя не согласиться — стиль этого классического произведения трудно воссоздать без поэтического дара автора, позволившего органично слить реалистическое повествование с музыкальным ритмом стиха. И это тоже — один из заветов Чо Мёнги Хи, который не только определил

направление творческих поисков корейской литературы того времени, но и предвосхитил многие ее открытия на избранном пути.

— *Он всегда говорил мне, чтобы я стала вулканом, извергающимся с самого дна. И я стану им.*

Эти слова Розы, возлюбленной и сподвижницы главного героя «Нактонган» — одно из таких открытий. Впервые со страниц книги в полный голос заявляет о себе корейская женщина. Слово чудесное превращение происходит с ней после того, как sereneкая учительница Ро получает европейское имя Роза, хорошо известное всем революционерам. Так бывает в иероглифической письменности — изменение одного знака может означать полный поворот судьбы. Так и случилось: Роза разрушает всковые оковы конфуцианских представлений о роли и месте женщины в обществе и в быту.

Списан ли ее образ с натуры? Об этом теперь трудно судить. Скорее всего, заметив лишь неясную еще тенденцию, писатель предвосхитил ее дальнейшее развитие, что еще раз свидетельствует о его даре предвидения.

Благодаря таким, как Пак, «загремел гром, разыгралась буря». Всей своей неусомимой деятельностью и несгибаемой волей они являли народу пример мужества, на деле доказывая, что бороться можно и нужно, и что рано или поздно враг дрогнет. Хватит сидеть сложа руки и скорбеть, пора браться за оружие! — призывали они. Вернувшись домой, Пак не находит даже следов от родимого очага. На его месте, как и по всей деревне, в которой раньше насчитывалось больше ста дворов, японцы построили огромный склад какой-то акционерной компании. Крестьяне и рыбаки стали разбегаться кто куда. Пак уговаривает оставшихся не торопиться покидать свои жалкие лачуги, а начать совместно противостоять врагам. Он организывает кооператив арендаторов, который становится реальной силой в борьбе против тирании и эксплуатации со стороны японских землевладельцев. Добивается открытия вечерней школы для детей бедняков. Но все это будет вскоре разогнано и запрещено. Последней каплей в чаше горестей становится запрет косить камыш вдоль реки Нактонган. Пак призывает односельчан не повиноваться, и его, как зачинщика, бросают в тюрьму.

Но даже после жестоких пыток и издевательств он не смиряется, а продолжает оставаться в рядах борцов, направляя их дей-

ствия, помогая четко сориентироваться в тех или иных обстоятельствах. Характерный штрих: однажды на рынке вспыхнула крупная драка между представителями городской организации рабочих-мясников, кустарей-одиночек «Хенпхенса» и покупателями. Пак Сон Ун, рискуя прослыть предателем, останавливает дерущихся и объясняет им, что только глупцы не понимают, что у всех здесь присутствующих одинаково бедственное положение, что все они братья по труду, и не между собой им следует разбираться, а с хозяевами, которые обдирают всех подряд.

После этого события местный союз женщин пополнился на одну боевую единицу. Это была дочь одного из участников «Хенпхенса». И ее-то, полюбив, Пак называет Розой в честь далекой немецкой тетки по фамилии Люксембург.

Такова, вкратце, сюжетная канва рассказа, который помещен в сборнике избранных произведений Чо Мён Хи, выпущенном издательством «Советский писатель» в 1966 году по инициативе Екатерины Цой. При всех недостатках перевода и значительных сокращениях, произведенных еще японской цензурой, в нем сохранилась поэтическая приподнятость повествования, явственно ощущается живое биение эпохи и человеческих сердец.

Но главное все же в другом — в позиции писателя при раскрытии извечной темы — человек и народ, человек и родина. Один из друзей Пака в труднейшей ситуации произносит знаменательную фразу:

— Чем мы можем быть полезными здесь? Единственное, что нам остается — это заняться террористическими актами. А вообще я лучше уеду отсюда.

И получает твердый ответ:

— Нет. Ты не прав. Необходимо остаться. Во имя победы нашего народа. Мы должны остаться и бороться именно здесь. Это самое разумное. Если нам суждено умереть, мы умрем вместе с людьми, живущими на этой земле. Это наш святой долг.

Великие слова! И принадлежат они не умудренному политику, а внуку рыбака, сыну земледельца. Эти слова безусловно должны цитироваться во всех учебниках, включаться во все литературные хрестоматии. Произнесенные устами героя Чо Мён Хи восемь десятилетий тому назад, они актуальны и в наши дни. Да, конечно, мало сохранилось в первоизданном виде его произведений, но лишь два-три абзаца из «Нактонгана» многих томов весомей.

Говоря о пророчестве писателя, мы имели в виду и такое предсказание: в Сеуле, куда после долгих странствий попадает Пак Сон Ун, уже тогда не было единства среди группировок, которые боролись за освобождение страны от господства оккупантов и своих, и чужих эксплуататоров. С горечью обнаружив это, он с несколькими своими единомышленниками пытается их объединить, но безуспешно, так как «для тех, кто был увлечен фракционной борьбой, его слова оставались пустым звуком». Глядя на это, Пак горестно замечает:

— *Настанет день, когда фракционеры уничтожат друг друга.*

И они действительно довели дело до братоубийственной войны, до разрыва страны на две противоборствующие части. Заваренную тогда «кашу» не расхлебали и по сей день...

Уникальный талант Чо Мёнг Хи, его поистине золотое перо высоко ценили его современники и последователи. Так, ставший очень популярным писатель Ли Ги Ен писал:

— *Крупнейший художник Чо Мёнг Хи является признанным основоположником современной корейской литературы. Он получил широкую известность не только как поэт, прозаик, драматург, но и как активный участник борьбы за освобождение Кореи от японского господства.*

В 1990 году в южнокорейском издательстве «Твимок» выходит в свет специальный выпуск литературного журнала, посвященный творчеству Чо Мёнг Хи. Здесь о нем говорится как об одном из основоположников корейской национально-демократической литературы.

В 1992 году японский писатель корейского происхождения Ли Хве Сонг завершил десятилетний труд над романом «Текущая земля», лишь посетив музей Чо Мёнг Хи в Ташкенте — никак не давалась концовка. В книге отзывов он так и написал:

Учитель! Я прошел долгий путь издалека, чтобы встретиться с Вами. Меня очень беспокоит судьба Вашего романа «Маньчжурские партизаны», что с ним? Теперь я знаю, куда мне идти...»

В 1993 году член Всемирной ассоциации поэтов Пяк Хаён И в пятитомном романе «Хребет Тянь-Шаня» впервые в южнокорейской прозе глубоко осветил судьбы соотечественников, оказавшихся в советской стране. В образе главного героя нашли отражение черты и творческие поиски Чо Мёнг Хи.

Устремленный в будущее, Чо Мёнг Хи поэтому сегодня с нами. Чтобы в лишний раз убедиться в этом, давайте прочтем вместе один небольшой его рассказ, вроде бы незаметный в массе

других. Это рассказ «Чхун Сон», который написан после «Нактонганга» и как бы продолжает, и дополняет тему прощания с родиной. Написан, очевидно, очень быстро, на одном дыхании, о чем свидетельствует дата, указанная писателем: «8 декабря 1927 года. В полночь».

Как раз в полночь, в маяте бессонницы, герой рассказа будит жену, чтобы поделиться с ней неотвязными мыслями о беспросветности жизни, которую они ведут.

— Мы не сможем здесь жить,— медленно говорил он. — Не знаю, что и предпринять. Мы лишились последнего клочка земли, в этом году и ростка рисовой рассады некуда будет воткнуть. На чужом же поле сколько ни трудись — так и не знаешь, будешь сыт или нет. С прошлого года осталось немного чумизы и бобов — значит еда пока есть. Да и на дровах много не заработаешь, цена-то на них падает. Черт возьми, если ходить за двадцать-тридцать ли в деревню и продавать там эти несчастные дрова, то в день и тысячи чон не выручишь. Как жить?

— Ну так что же делать? Где выход?

— То-то и оно... Выхода действительно нет. Деваться некуда — придется переезжать. Надо покинуть эти места.

— Покинуть?..

После острой завязки рассказа писатель в свойственной ему манере вместе с героями продолжает этот скорбный диалог и приглашает к нему читателей.

Вот дядюшка хозяина дома, говорят, из Японии вернулся. Почему? Оказывается, «там тоже не мед»... Хорошо, если одному из двадцати удастся найти работу. Кроме того, корейцам платят меньше, чем японцам, и унижают их, как хотят... Ежедневно из Пусана на пароходе уезжает тысяча рабочих-корейцев, а в Пусан прибывает девятьсот переселенцев из Японии. И никто из них не знает, что его ждет. Ведь это трагедия...

Потом дотошно обсуждаются другие случаи и варианты переезда на чужбину. Через эти диалоги и споры Чо Мёнг Хи подводит героев и читателей к «единственно разумной», помните, как в «Нактонганге», мысли о том, что не дело — бросать родину, надо думать, объединяться, сражаться за нее до последнего.

— А ты хочешь покинуть родину, уехать в какое-то там Цзянь-дао и тратить там впустую силы, в то время, как ты можешь приложить их здесь с большей пользой для общего дела. И если у

тебя есть желание помочь своему народу, брось думать только о себе и не покидай Корею.

И это — главный пункт завещания Чо Мёнг Хи - брось думать о себе и не покидай Корею!

Читаем дальше:

На станцию прибыл скорый, идущий из далекого Пончхона на Юг. И кто мог ожидать!.. Из вагонов высыпала толпа бродяг, приехавших из Северо-западного Цзяньдао...

Послышались возгласы:

— Ты приехал из Японии?

— А ты из Цзяньдао? Уехали, говорите, потому что нельзя было жить? Уехали искать хлебные места? Почему же вы вернулись?

— Ведь, вот, люди снова уезжают!..

Друг Чхун Сона, показывая рукой в его сторону:

— И он тоже. Или как?

Чхун Сон, опустив голову, как и все участвующие в этой драматической сцене на перроне, говорит:

— Довольно. Пошли домой.

Домой, только домой надо идти, — призывает нас Чо Мёнг Хи устами своего героя. А хлебные места, молочные реки и кисельные берега — всего лишь сладкая сказочка, не верьте ей. Да, рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. Но это не значит, что надо сломя голову мчаться в заморские края. И эта истина актуальна и по сей день, и на все времена!

Посмотрите, как ринулись после развала Советского Союза люди во все концы света. Понять можно тех, кто решил вернуться на свою историческую родину. Ну, а те, кто перебрался за океан, в Европу, на Ближний и Средний Восток и т. д. — разве не ждет их участь перекасти-поля?! Кто там их встретил с распростертыми объятиями? Ведь прежде чем внедриться, легализоваться в их систему накопления и потребления, образования, медицинского, страхового и иного обслуживания, очень долго им придется быть людьми второго сорта. Об этом — масса печальных историй, рассказанных теми, кто не выдержал всего этого и вернулся.

Вот о чем предупреждал Чо Мёнг Хи своим прощальным рассказом. Он покидал Корею с этими мыслями, но его эмиграция была вынужденной. Друзья и коллеги, товарищи по Корейской ассоциации пролетарских писателей, видя, что над ним нависла угроза надолго угодить в японскую тюрьму, из которой можно и

не выйти, настоятельно советовали, а потом просто потребовали немедленно уехать. Чо Мёнги Хи обязан был подчиниться, потому что, как его убедили, он в Приморье мог сослужить добрую службу своим пером, своей общественной, просветительской и педагогической деятельностью. Действуют же там наши партизанские базы, почему бы не создать писательскую? И оказались правы. Вскоре, когда японцы начали захват Маньчжурии с целью в дальнейшем продвинуться с северо-востока на всю территорию Китая, их террор на корейской земле резко усилился. Преследовались и попали за решетку многие члены Корейской ассоциации пролетарских писателей, а в 1934 году вообще была запрещена ее деятельность.

С тяжелым сердцем покидал Чо Мёнги Хи отчий край. Ведь здесь оставались все его родные и близкие, жена с двумя детьми. Позже, уже обосновавшись в Пуциловке, он дважды, рискуя жизнью, пересекал границу, чтобы забрать семью. Но всякий раз получал категорический отказ жены: «Нас тут поддерживают ваши друзья. Так что ни о чем не беспокойтесь. С их помощью я сумю вырастить детей. Но отсюда я никуда не поеду».

Всем сердцем понимал ее состояние Чо Мёнги Хи и с тем большим ожесточением рвался в бой против оккупантов, добравшихся и до его семьи, до его личной жизни. Одной из главных своих задач считал преодоление пассивного созерцания и конфуцианского смирения значительной части населения страны. И это ему в значительной мере удалось благодаря изображению в произведениях нового типа героев, выходцев из простого народа, готовых бороться и побеждать, вести за собой других. Чо Мёнги Хи высоко ценил и принципиальное значение интеллигенции как наиболее образованной прослойки общества, старался воодушевить, видя ее двойственное социальное положение и связанное с этим политическое бессилие открыто противостоять угнетателям, неспособность вести самостоятельную борьбу. Но глядя с высоты будущего, писатель был уверен, что придет время, и могучая потенциальная энергия интеллигенции выльется наружу.

Страстный протест Чо Мёнги Хи, так же, как и его исполненная высокого напряжения устремленность к идеалам справедливого устройства общества, является источником вдохновения для многих поколений читателей. И остается только сожалеть, что наиболее крупные полотна художника не дошли до наших дней. Роман «Под красным знаменем» исчез в редакционных, а скорее всего, в

«нквдэшных» анналах, а роман «Маньчжурские партизаны», как и всю кипу рукописей, набросков, фотографий, хранившихся в доме, прибрали к рукам и уничтожили все те же молодчики в серых костюмах.

То, что удалось сохранить из творческого наследия Чо Мёнги Хи — это лишь отдельные грани алмаза, но грани, сверкающие яркими красками, свойственными его поэтической натуре. Взяв в руки перо с целью обрести возможность влиять на разум и чувства людей, он сделал очень многое для ее достижения. И мог бы сделать гораздо больше, но ушел из жизни в самом расцвете сил.

Стремительно поднимаясь по ступеням литературного мастерства, Чо Мёнги Хи щедро делился постигнутыми секретами с коллегами, и в первую очередь, с молодыми, видя в них свое продолжение. Таков был и в быту: порой, не имея в кармане ни гроша, мог снять с себя пиджак или часы и отдать первому встречному бедняку. Не считал зазорным для себя, будучи уже признанным мэтром, поставить свою пьесу на школьных подмостках, где играли на уровне провинциальной художественной самодеятельности. Как человеку щедрой души, как просветителю, ему важнее было само действие, приобщаясь к которому люди впитывали новые для себя идеи, задумывались о сути происходящего вокруг.

Долгое время крайняя скупость сохранившихся сведений не позволяла с исчерпывающей полнотой представить все творчески и личностные подробности жизни Чо Мёнги Хи.

Стремясь запечатлеть в памяти потомков образ дорогого учителя, Екатерина Цой нарисовала его портрет и приложила к нему устное описание:

Роста он был выше среднего, стройный, всегда аккуратно одетый, по-военному подтянутый. Ходил легкой, упругой походкой, разговаривал спокойно и раздумчиво. Однако преобразился, когда читал стихи, особенно патриотические — голос его звенел, как туго натянутая струна, смуглое, удлиненное лицо покрывалось ярким румянцем. В волнении он машинально смахивал пот со своего прямого носа и отбрасывал со лба длинные черные волосы, падавшие ему на плечи...

Поэтому следует выразить огромную признательность Екатерине Цой и ее супругу Хван Дон Мину за поистине подвижнический труд в течение многих лет по сбору, публикациям и переводам произведений писателя, которого по праву можно назвать золотым пером Кореи.

10 декабря 1988 года — день открытия экспозиции Чо Мёнг Хи
в Государственном литературном музее имени А. Навои.

Открытие улицы Чо Мёнг Хи в Бектемирском районе города
Ташкента. Выступает М.Ш.Юлдашев.

Правнук поэта. Олег читает стихи на торжественном открытии экспозиции Чо Мёнг Хи (фото слева).

Родственники из Южной Кореи в мемориальной комнате Чо Мёнг Хи в Государственном литературном музее имени А.Навои (фото справа).

В Государственном литературном музее имени А. Навои консул Посольства Республики Корея в Республике Узбекистан Ли У Сонг (справа), правнучка поэта Нагана и внук Ким Андрей.

Члены общества «Сарабан» на литературном вечере, посвящённом
Чо Мён Хи в Государственном литературном музее имени А. Навои.

Коллектив Центра образования Корея в Ташкенте. Справа директор ЦО Ли Ян У и общество «Сарапбан». Ташкент, май 2004 г.

На открытии улицы Чо Мён Хи родственники из Южной Кореи: Лим Хын Нам, Ким Ван Гю, Чо Сон Хо, Чо Чоль Хо.

Члены общества «Саранбат»: композитор Кан А.Т. и певец Хан В.С.

Лаковая миниатюра «Расстрелянная птица».
Художник Ан В.С.

Вдова поэта Мария Ивановна Хван в 1949 г. После репрессии и ВОВ с детьми: Валентиной, Михаилом и Владимиром.

Члены общества «Сараббан».

Памятник Чо Мён Хи, установленный творческой общественностью и редакцией газеты «Тонг Янг Ильбо» 20 октября 2003 года в деревне Пёгам-ри уезда Чинчхон провинции Чунчхон Пукто на месте рождения поэта.

KOREA INDEPENDENCE MOVEMENT

인 수 증

인수번호: 496

주 소: 한국방송공사 대우전송시스템지원센터
 보 소: 조 선 아 (조영희의 딸)
 생 연월: 1926년 9월 24일
 주 소: 서울특별시 서초구
 - 1996. 9. 24 기준 작도일

7

독립기념관에 귀중한 자료를 기증(바치)하여
 주신 뜻을 기리고자 이 증서를 드립니다.

2003년 8월 30일

독립기념관 관

인수자: 이영희

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НЕЗАВИСИМОСТИ

Свидетельство о передаче

Номер передачи : 496

Адрес: Республика Узбекистан, город Ташкент, Культурное
Общество Чо Мёнг Хи

ФИО : Чо Сон А (дочь Чо Менг Хи)

Наименование и

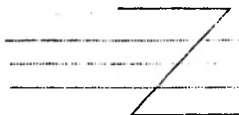
количество материалов: «Нактонган» и другие материалы

Всего 62 наименования

*Список материалов прилагается

- Материалы переданы 24.09.1996

Печать Мемориального
Комплекса Независимости

Данное свидетельство выдано для памяти о том, что в
Мемориальный Комплекс Независимости были переданы бесценные
материалы.

30. 08. 2002.

Директор Мемориального Комплекса Независимости

Получатель: Ли Мёнг Ха

Печать Директора
Мемориального Комплекса
Независимости

Взыскательный читатель может возразить: ведь сегодня существуют Республика Корея на юге полуострова и Корейская народно-демократическая республика на севере, разделенные по 38-й параллели. Да, это так, но Чо Мёнг Хи жил и творил, когда Корея была единой страной. И он предсказывал, что рано или поздно «фракционеры уничтожат друг друга» (вспомните «Нактонган»), и вот, когда они окончательно взаимоуничтожатся, на смену им придут здоровые силы нации и наконец объединятся. И гордо зазвучит на планете имя воссозданной Кореи, как единой и неповторимой Страны утренней свежести.

Чо Мёнг Хи — одна из наиболее ярких и трагических фигур корейской культуры. Его творчество не было до конца достигнуто современниками, а последующими поколениями читателей и литературоведов и подавно. Слишком рано, внезапно оборвался творческий путь этого замечательного мастера слова, и слишком много было потеряно времени в том вакууме информации, который возник после его ареста. Но все, кто так или иначе знаком с литературным явлением по имени Чо Мёнг Хи, отмечают стремительность развития его таланта, поэтическую восторженность и суровое умение смотреть прозе жизни в глаза.

Глубочайшая привязанность к национальным истокам, к родной земле, ярко запечатленная в дошедших до нас произведениях, и позволила ему встать во главе новой корейской литературы, которая отныне оказалась готовой влиться в общемировой литературный поток, достичь больших высот и заслуженного признания.

Об авторе: Лю Геннадий Иванович родился в 1946 году в Сырдарьинской области Узбекистана в семье сельских учителей. Филолог — выпускник Ташкентского государственного университета. Более 30 лет работает в журналистике, в настоящее время является заместителем главного редактора республиканской газеты «Правда Востока». Опубликовал ряд очерков и книгу «Модель Мадьярова». Награжден орденом «Дустлик».

Старшая дочь поэта у сестры Чо Чун Сук, которая жила в Талджоне.

Семья Чо Хе Джа, племянницы поэта.

Семья Чо Джэ Хо, племянника поэта.

Встреча с земляками поэта.

На Родине Чо Мён Хи
(1996 год, фото сверху).

Государственный мемориальный комплекс независимости против японского ига Корси, где экспонируются материалы Чо Мён Хи, как национального героя своей страны. В центре Чо Чун Хеп — племянник поэта (фото снизу).

Дочь поэта Чо Валентина Мёнгиевна привезла землю с места массового захоронения в Хабаровске к памятнику Чо Мёнги Хи на его родине.

Гости Узбекистана на родине поэта (М. Ш. Юлдашев).

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Эту книгу Валентина Мёнхневна прочитала в компьютерной распечатке, одобрила, но выхода ее в свет не дождалась. В последний день мая с. г. она скончалась от инсульта, коварно настигнувшего ее в тот момент, когда в доме кроме нее никого не было. Две недели еще билось неутомимое сердце этой замечательной дочери корейского народа, но страшная болезнь все же вырвала ее из наших рядов.

Сыну Андрею Тимофеевичу очень хотелось положить в гроб матери книгу о Чо Мёнг Хи, книгу, которую, по существу, она сама создала. Бережно собирая документы, фотографии, письма, храня в цепкой памяти множество сведений, ей только известных, долгое время подбирала и автора, который смог бы все это правильно осмыслить и изложить. Не одного, предлагавшего свои варианты, отвергла, сделала ряд существенных замечаний и в эту книгу, которую вы сейчас держите в руках. Затем облегченно вздохнула и сказала: «Теперь я свой долг перед отцом выполнила». Подумайте, какой характер: потребовала убрать то место, где говорилось о ней как об одинокой женщине с пошатнувшимся здоровьем, ослабленным зрением, при котором даже очки не помогали и приходилось читать через увеличительное стекло. По одному только этому замечанию можно распознать человека, проникнуться к нему безграничным уважением.

Она имела все основания оставаться до конца независимой и самодостаточной, гордиться проделанной работой. Добилась от властей правды об отце, что послужило добрым примером для многих других корейцев, сомневавшихся, что этого возможно добиться в отношении своих репрессированных родственников. Создала мемориальную комнату в Ташкенте, общество «Саранбан», и что очень важно — сумела увсковетчить память о Чо Мёнг Хи на его родине. Последним необходимым делом в череде других считала подготовку и выпуск книги о нем, причем не только на русском, но и на корей-

ком языках. «Конечно, — говорила она, — материала, как вы называете, мне удалось скопить не так уж много, но дело не в объеме книги. Главное в ней — отобразить своеобразие и новаторство творчества Чо Мёнги Хи, наиболее яркие и неповторимые черты его личности».

Валентины Мёнгишевны не стало, когда оставались считанные недели до выпуска книги издательством «Иждо дунёси». Но душа ее может быть спокойна: свой долг перед отцом, родственниками и обществом она с честью выполнила.

Похоронили ее на том же самом кладбище, где покоится её мама, и так же, как ей, в гроб положили книгу избранных произведений Чо Мёнги Хи.

МУНДАРИЖА

Введение	3
ЗОЛОТОЕ ПЕРО КОРЕИ	4
Расстрелянная песня	4
Вольный стих поэта	11
С болью за растоптанную Родину	14
Крепче каменной глыбы	20
Заряд надежды и оптимизма	27
Цена благих намерений	32
Уроки в сельской глубинке	37
Тучи сгущаются	43
Прощай, приморье	48
По долгу памяти	55
Наследие и наледники	64
Завещание Чо Мён Хи	76
Вместо послесловия	100

ГЕННАДИЙ ЛЮ
ЗОЛОТОЕ ПЕРО КОРЕИ

Редактор *Бабаджанов Н.*
Корректор *Иногамова Ш.*
Художник *Одилов Ш.*
Техн. редактор *Толочко Е.*
Верстка *Пулатов С.*

Подписано в печать 20.08.2004 г. Объём 6,5 п. л.
Формат 60×84/16. Тираж 1000 экз. Заказ №77.

Отпечатано на базе технических средств
Издательского дома «Ijod dunyosi»
700129, Ташкент, Навои, 30.

